

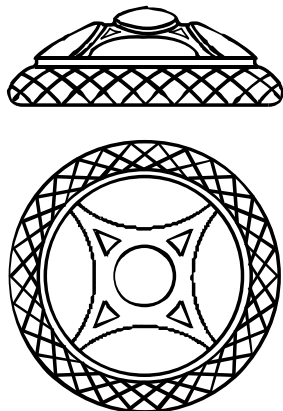
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
СХІДНОУКРАЇНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені ВОЛОДИМИРА ДАЛЯ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

МАТЕРІАЛИ ТА ДОСЛІДЖЕННЯ З АРХЕОЛОГІЇ СХІДНОЇ УКРАЇНИ

"

Збірник наукових праць

№ 4

ЛУГАНСЬК 2006

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА		4
<i>Рассамакін Ю.Я.</i>	Про першу знахідку наверхшя кічкаського типу	5
<i>Нечитайло А.Л.</i>	Нижнедонские энеолитические комплексы в системе европейской степной общности	38
<i>Братченко С.Н.</i>	Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н.е. та майдани.....	65
<i>Санжаров С.М., Бровендер Ю.М., Бритюк О.О.</i>	Кургани біля с. Уткіне на Мечетному полі в Донбасі.....	191
<i>Черных Е.А.</i>	Стратифицированный курган эпохи бронзы у г. Зимогорье на р. Лугани.....	222
<i>Санжаров С.Н.</i>	Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца	236
<i>Литвиненко Р.А.</i>	«Пряжки» и колесничество: проблема соотношения.....	257
<i>Лысенко С.С.</i>	Булавки с кольцевидной головкой с территории Украины	291
<i>Прынъ А.В.</i>	Погребение знатного половецкого воина из курганного могильника Александровка II в Донбассе	306
СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ.....		318
НАШІ АВТОРИ		319

ПЕРЕДМОВА

Другий випуск періодичного видання «Матеріали та дослідження з археології Східної України» присвячений введенню в науковий обіг та аналізу найбільш чисельної групи археологічних джерел, а саме поховальним пам'яткам. Головна частина представлених матеріалів була здобута при розкопках курганних могильників степової зони України та суміжних теренів. До сьогодні курганні поховання залишаються провідним видом джерел, а саме для вивчення тривалих періодів становлення та розвитку давніх суспільств з відтворюючими системами господарства. Розкопки українських курганів надали в розпорядження археології не тільки гарно збережені колекції побутових виробів та прикрас, але й кількісну інформацію про особливості поховального звичаю. Стратиграфічні спостереження дозволили встановити відносну послідовність змін як археологічних культур, так і епох в цілому. На цьому підґрунті були зроблені загальні схеми культурно-хронологічного розвитку окремих регіонів і великих географічних зон. Однак прогрес археологічних знань, а також поступове розширення сфер наукового пізнання, пропорційні кількості та якості загальної бази джерел. Інколи, з накопиченням джерел та здобуттям нових матеріалів, ми мусимо відмовлятися від старих концепцій та проводити корегування знань, що мають, забезпечувати тим самим досягнення безперервності процесу археологічного пошуку. Саме такі цілі переслідують автори даного випуску, надаючи науковій спільноті не тільки нові поховальні старожитності, але й власні варіанти інтерпретації джерел.

Статті Ю.Я. Рассамакіна та А.Л. Нечитайло знайомлять з результатами вивчення окремих категорій знахідок та специфікою поховальної обрядовості доби енеоліту. С.Н. Братченко, С.М. Санжаров, Ю.М. Бровендер та О.О. Бритюк вводять в науковий обіг та характеризують серію курганних поховань Східної України. Проблемі стратиграфічних спостережень та реконструкцій присвячена стаття Є.О. Черниха. С.М. Санжаров, Р.О. Литвиненко та С.С. Лисенко систематизують інформацію стосовно поховальних звичаїв та рідких знахідок. Пропонуються власні уточнюючі висновки. Публікації та характеристики поховання заможного половця присвячена робота О.В. Приня.

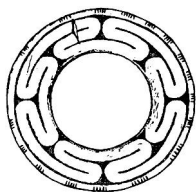
Об'єднує тематику всіх статей якісний рівень надання археологічних джерел та обґрунтованість культурно-хронологічних характеристик.

Литвиненко Р.А.

«ПРЯЖКИ» И КОЛЕСНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Рассматривается проблема генезиса и культурной принадлежности костяных круглых пряжек эпохи финала среднего - позднего бронзового века.

Постановка вопроса

Корни затрагиваемой в настоящей статье проблемы уходят в историографию начала 80-х годов минувшего столетия, однако к ним мы обратимся позже. Открыть же обсуждение хотелось с обговариваемого именно в последнее время сюжета, начало которому положил, возможно, сам того не предполагая, А.Т. Синюк. В ряде своих работ, посвященных бронзовому веку бассейна Дона, рассматривая вопрос о хронологическом соотношении так называемой покровско-абашевской культуры Подонья с бабинской культурой Причерноморья (многоваликовой керамики, в его номенклатуре), автор высказал мысль о том, что «вероятнее всего именно из среды носителей КМК абашевско-срубная верхушка заимствовала тип портупей с костяными пряжками» [Синюк, Козмирчук, 1995, с.68, прим.16; Синюк, 1996, с.208]. Столь оригинальный вывод не только не остался без внимания, но и нашел довольно неожиданное развитие, причем в нескольких параллельных направлениях.

Одно из них предложил В.В. Отрощенко. В резюмированном виде положения автора можно свести к следующему:

- в эпоху ранней и средней бронзы поясные пряжки неизвестны;
- пряжки появляются синхронно на значительных пространствах Карпато-Уральского межгорья в переходный от средней к поздней бронзе период и синхронно исчезают в середине позднебронзовой эпохи;
- в распространении поясных пряжек в лесостепном и степном Урало-Карпатском межгорье немаловажную роль сыграло население доно-волжской абашевской культуры (ДВАК);
- в тенденции, времени распространения древнейших дисковидных псалиев отвечают круглые пряжки с одним или двумя отверстиями, а периоду желобчатых псалиев – желобчатые пряжки с двумя отверстиями;
- пряжки имеют безусловную связь с культурами легких конных колесниц;
- морфологическая и комплексная связь псалиев и пряжек, а также приуроченность последних к захоронениям мужчин, позволяет рассматривать пряжку как «деталь парадного и боевого доспеха воина-колесничего», а феномен ее по-

явления - как «составной элемент <...> героической эпохи боевых колесниц» [Отрощенко, 1998; 1998а, с.56-57; 2001, с.74-79].

Другое направление, переключаясь с первым, имеет ряд особенностей. В соответствии с ним:

- костяные/роговые псалии и поясные пряжки синхронны, что подтверждается одновременностью их появления и исчезновения;

- псалии и пряжки характеризуются морфологическим и конструктивным сходством, а также единой технологией изготовления («технологической родственностью или сопряженностью»);

- псалии и пряжки имеют общие тенденции развития во времени и демонстрируют моноцентрическое происхождение (среда бабинской культуры – КМК);

- высказанное позволяет сделать вывод о том, что «поясная пряжка выступает косвенным показателем освоения колесничества» или даже «индикатором колесничества»;

- находки кольцевых пряжек в поздних катакомбных памятниках Донецко-Донско-Волжского региона могут свидетельствовать о «контакте обществ КМК с обществами финальнокатакомбного мира», приведшем к «перениманию этой категории изделий, <а вместе с ней, надо полагать, и практики колесничества – Р.Л.> катакомбным населением у племен раннего этапа КМК» [Василенко, Супрун, 1998; Василенко, 1999, с.64-65; 2000; 2001, с.65-66; 2001а].

Оба подхода, по сути отстаиваемых положений, вполне могут претендовать на открытия в археологии бронзового века. Понимая значимость и масштабность предлагаемых выводов, а также учитывая, что ни один из них не обеспечен должной аргументацией, включающей строгие процедуры источниковедческого анализа, представляется целесообразным соотносить выдвигаемые положения с имеющимся комплексом археологических данных. Необходимость такой работы становится очевидной еще и потому, что тезис о тесной связи и взаимобусловленности «феномена пряжек» и колесничества, оставаясь не доказанным, тем не менее, широко тиражируется в научной литературе, превращаясь в своеобразную аксиому или постулат.

Есть смысл построить план изложения в соответствии с последовательностью положений наших уважаемых коллег. Заранее заметим, что не ставим своей целью исчерпывающий анализ этой масштабной проблемы, ограничиваясь рассмотрением лишь некоторых ее аспектов, на наш взгляд, имеющих ключевое значение и определяющих общие принципы разрешения проблемной ситуации.

Хронологическое соотношение «пряжек» и псалиев

Говоря о синхронности появления и исчезновения конской узды с псалиями и воинской портупей с пряжками, исследователи, в первую очередь, обращаются к материалам доно-волжской абашевской культуры (ДВАК). Именно памятники ДВАК на всем пространстве евразийской степи и лесостепи дают закрытые ком-

плексы погребений, позволяющие делать вывод об одновременности бытования плоских щитковых псалий с так называемыми «пряжками», среди которых выделяются три разновидности: 1) крупный плоский диск с большим центральным и двумя (редко одним) периферийными малыми отверстиями (рис.1, 11, 17, 19, 26); 2) крупный плоский диск с бортиком вокруг центрального отверстия и одним малым периферийным отверстием (рис.1, 9); 3) овальная желобчатая в сечении, с большим центральным (с бортиком и, чаще, без него) и малым периферийным отверстием (рис.1, 1, 2, 5, 6, 13, 21, 22).

Достаточно надежно установлено, что первая разновидность изделий характерна почти исключительно для памятников ДВАК, являясь своеобразной ее визитной карточкой [Матвеев, 1996, с.31-32; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с.27; Литвиненко, 2001, с.90]. Она не известна в памятниках других культур Восточной Европы, кроме одного случая, связанного с захоронением приуральского варианта синташтинской культуры (могильник у горы Березовой, п.9) [Моргунова, Халяпин, 2003, с.227, рис.1, 4], и еще одного предположительного (Синташта СМ, п.30) [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с.208, рис.114, 2; Литвиненко, 2001, с.90, рис.2, 3]. Это обстоятельство, с одной стороны, дополнительно свидетельствует в пользу синхронизации синташтинской культуры и ДВАК, а с другой - не позволяет использовать данный тип изделий для хронологического сопоставления ДВАК с другими «культурами пряжек», в том числе бабинской.

Однако такое сопоставление позволяют осуществить две другие разновидности «пряжек» ДВАК, встреченные вместе с дисковидными псалями, поскольку эти разновидности хорошо представлены в памятниках культурного круга Бабино. Более того, сосредоточение основного массива подобных изделий именно в Северном Причерноморье, привело многих исследователей к закономерному выводу о том, что у доно-волжских абашевцев они появились из среды или под влиянием бабинской культуры [Петров, 1983, с.121; Шарафутдинова, 1987, с.42; Синюк, Козмирчук, 1995, с.68, прим.16; Синюк, 1996, с.208; Матвеев, 1996, с.31; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с.27; и др.].

Вместе с тем подобная логика построений не всем кажется очевидной. Так, В.В. Отрощенко предложил иную альтернативу, довольно оригинальную и заслуживающую внимания. Согласно ей, появившиеся одновременно в ранней ДВАК и Бабино воинские портупей отличались своими особыми типами пряжек, заключавшими в себе не только показатель социального статуса (воин-колесничий, представитель элиты), но и этническую принадлежность владельца: крупные плоские диски с двумя периферийными отверстиями – условно «абашевскую», а маленькие кольца – «бабинскую». При этом исследователь не смог обойти стороной тот непреложный факт, что вторая и третья разновидности «пряжек» ДВАК маркируют исключительно поздний горизонт памятников Бабино, тем самым предопределяя результат хронологического соотнесения бабинской и доно-волжской абашевской культур. Устранить отмеченное хроноло-

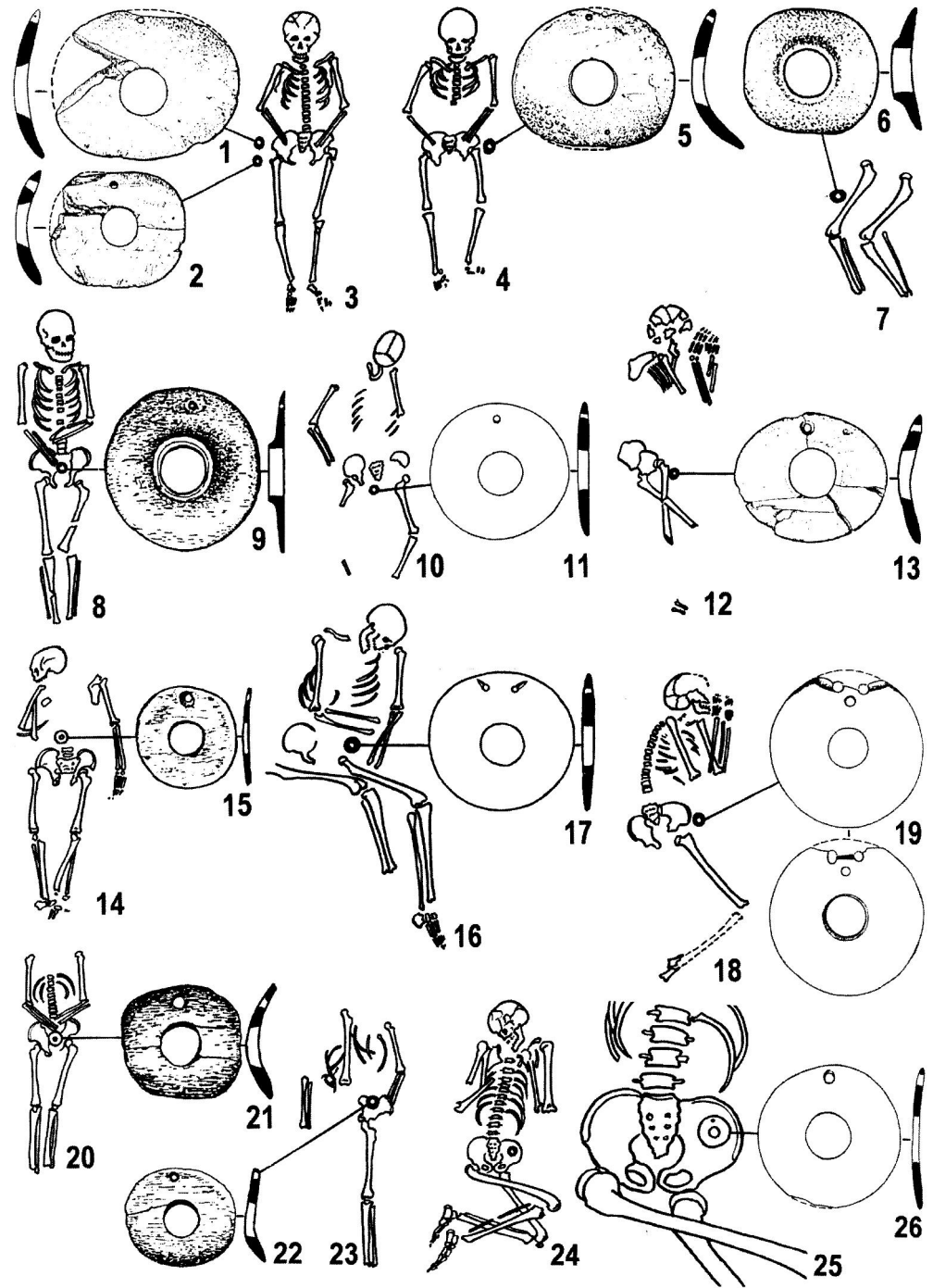

Рис. 1. Размещение блях-медальонов в погребениях доно-волжской абашевской культуры: 1-3 – Введенский п.1; 4-5 – Введенский п.2; 6-7 – Новая Усмань 1/4; 8-9 – Власовский 16/4; 10-11 – Богоявленский 1/1; 12-13 – Кондрашкинский п.1; 14-15, 20-23 – Филатовский п.1; 16-17 – Покровск 35/2; 18-19 – Орлиное болото 2/1; 24-26 – Селезни I 2/4

гическое «противоречие» В.В. Отрошенко предложил двумя возможными путями: а) пересмотреть господствующую хронологию пряжек КМК; б) признать, что смена типов пряжек в КМК произошла под влиянием ДВАК [Отрошенко, 1998а, с.56]. Поскольку кардинально пересмотреть надежно аргументированную хронологию бабинских пряжек практически невозможно [Ковалева, 1981, с.17-19; Писларий, 1982, с.12, 17; Дубовская, 1985; Шарафутдинова, 1987, с.42-43; Савва, 1992, с.124-134; Братченко, 1995, с.18-20; Литвиненко, 2002, с.135-141; и др.], было выбрано второе предположение, в соответствии с которым в «распространении поясных пряжек в лесостепном и степном Урало-Карпатском межгорье немаловажную роль сыграло население ДВАК» [Отрошенко, 1998а, с.57]. Иными словами, основной генерирующей пряжки культурой в Восточной Европе предложено считать доно-вожскую абашевскую, благодаря которой эти изделия (имеются в виде разновидности с малыми дополнительными отверстиями) появились в других культурах, в том числе и бабинской, сменив характерные для ее раннего этапа пряжки-кольца. Как видим, прежний вектор культурно-исторических построений развернулся на противоположный.

Возникает резонный вопрос, в какой степени предложенный сценарий может быть подкреплён фактически и насколько он соответствует имеющимся на сегодня археологическим данным? Действительно, при строгой приуроченности конкретных типов «пряжек» к различным археологическим культурам, занимавшим свои, не пересекающиеся между собой ареалы, можно было бы допустить, что при одновременном возникновении этих типов изделий, со временем один из них (в нашем случае тип ДВАК) получил более широкое распространение и при этом даже вытеснил аналоги из соседних культур (в частности Бабино). В этом случае более «живучий» абашевский тип пряжек должен характеризоваться и более широкой хронологией, при которой ранние даты допускаются только для находок в очаге формирования типа (ДВАК), а поздние – для периферии (в том числе поздней культуры Бабино). Однако подобные логические построения вступают в несоответствие с фактами. Так, вторая и третья разновидности «пряжек» ДВАК, представленные в сумме десятком экземпляров из восьми комплексов, никак не могут претендовать на роль очага формирования этих типов, на фоне нескольких сотен подобных изделий, сконцентрированных в памятниках культурного круга Бабино. Напротив, учитывая неоднократно отмечавшийся исследователями факт приуроченности подавляющей массы «пряжек» этих типов именно к бабинской культуре Северного Причерноморья и резкое убывание подобного рода находок в восточном направлении Доно-Волго-Уралья, памятники ДВАК, даже с учетом всех вместе взятых разновидностей изделий, количественно не превышающих трех десятков, выступают не более чем периферией данного интеркультурного явления. При этом неслучайным выглядит и то обстоятельство, что в ДВАК находки всех типов «пряжек», имеющих соответствия в бабинской культуре, территориально тяготеют к западной и юго-западной части ее ареала, граничащей с областью Бабино.

Окончательно утвердиться в большей древности кольцевых «пряжек», по сравнению с дисками-медальонами, нам позволяют и стратиграфические свидетельства. Имеется в виде ситуация, зафиксированная в Филатовском кургане, где, по наблюдениям А.Т. Сннюка и И.А. Козмирчука, погребениям воинов-колесничих ДВАК № 1, 2, 3, 4 предшествовало погребение 6, отнесенное к воронежской культуре, посткатакомбной в своей основе (рис. 2). При этом воронежское погребение содержало небольшую кольцевую «пряжку» с бортиком вокруг отверстия, типичную даже не для I (раннего), а именно для II (среднего) горизонта культуры Бабино, тогда как перекрывающие его абашевские могилы характеризовались крупными дисковидными и желобчатыми «пряжками» с малыми дополнительными отверстиями, соответствующими поздним экземплярам бабинской культуры [Сннюк, Козмирчук, 1995, с.41-59]. В одной из работ мы привели убедительные, на наш взгляд, аналогии, подтверждающие синхронность погребения 6 Филатовского кургана памятникам среднего этапа бабинской культуры, что подтверждает предлагаемую нами схему относительной хронологии культур лесостепного

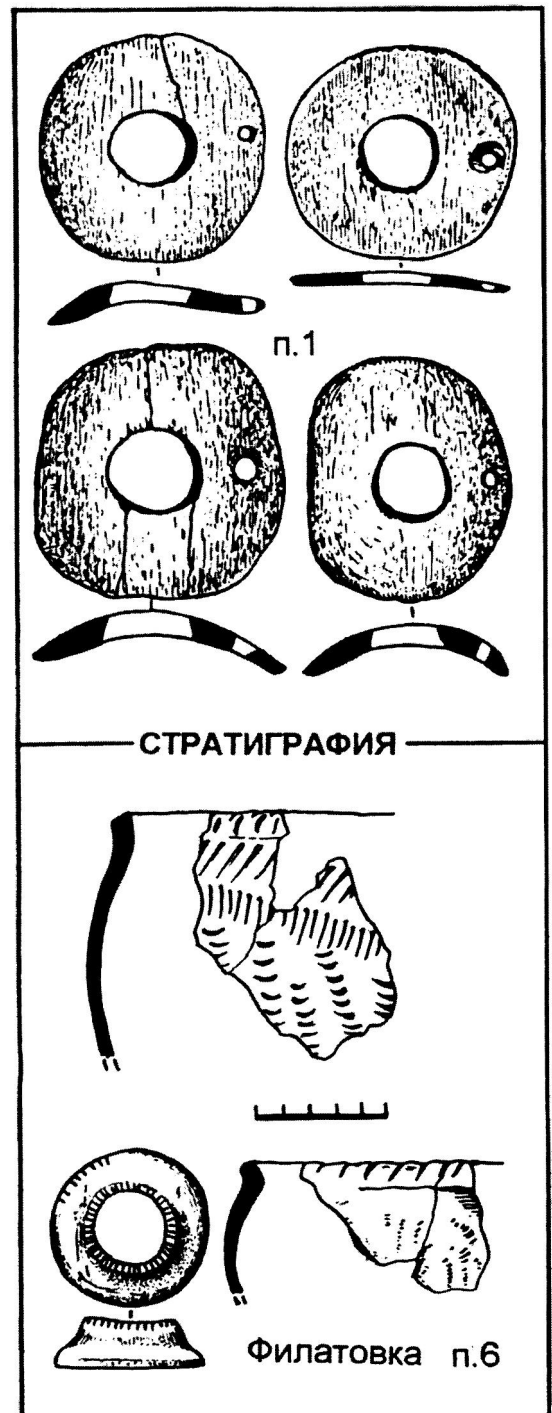

Рис.2. Стратиграфическое соотношение комплексов с различными типами «пряжек» из Филатовского кургана

Доно-Волжья и Северного Причерноморья [Литвиненко, 2002, с.80; рис.1, 5, 6, 15-16].

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении фактический материал не позволяет синхронизировать пласт памятников воинов-колесничих ДВАК с ранним этапом бабинской культуры (являющимся более древним), а значит, считать появление бабинских пряжек-колец и абашевских дисков-медальонов, а с ними и щитковых псалиев с шипами, одновременным. Из этого всего следует, что появление «пряжек» не совпадает во времени с возникновением колесничества.

О морфологическом, конструктивном и технологическом сходстве
«пряжек» и псалиев

Одним из ключевых положений гипотезы о пряжках как «индикаторах колесничества» является вывод о «морфологической и технологической сопряженности» этих изделий с псалиями конской узды. Объявил об этом, как о своем открытии, А.И. Василенко [Василенко, 1999, с.64-65; 2000, с.3-4; Василенко, Супрун, 1998, с.33], скромно умолчав при этом, что почти за два десятилетия до него по этому же поводу, действительно впервые, высказался И.А. Писларий [Писларий, 1983, с.11-12, 18]. А совсем недавно Й. Пыслару в развернутом виде представил свое видение данной проблемы [Пыслару, 2000, с.333-337, рис.4]. Суть его заключается в выделении в бронзовом веке двух этапов обработки кости и рога. Ранний из них, начавшийся в катакомбную и завершившийся в середине бабинской эпохи (средний бронзовый век), характеризовался техникой поперечного членения сырья (трубчатых костей, рогов), в результате которого получаемые кольцевидные заготовки для псалиев, пряжек и других предметов заранее предопределяли форму конечных изделий, например их плоское основание (соответственно прямое сечение). Поздний этап (конец средней – начало поздней бронзы) начался с появления техники продольного членения сырья, при которой получавшаяся из расколотой или распиленной вдоль трубчатой кости заготовка, обуславливала желобчатость (изогнутое сечение) изделия. В соответствии с такой периодизацией к раннему периоду следует относить дисковидные псалии с шипами и плоские кольцевые пряжки, а к более позднему – желобчатые псалии и желобчатые пряжки (рис. 3). На первый взгляд выстроенная хронологическая последовательность не вызывает принципиальных возражений. Напротив, она поддерживается многими исследователями, поскольку находит фактические подтверждения в археологическом материале. Однако внимательный анализ показывает, что предложенная схема сохраняет корректность только в отдельно взятых своих частях (например, только на уровне псалиев или только на уровне пряжек), а не в целом. Иными словами, у нас нет достоверных данных для того, чтобы утверждать, будто дисковидные псалии и кольцевидные пряжки параллельно бытовали на протяжении первого периода, на смену которому пришел второй период – единовременного использования желобчатых псалиев и таких же пряжек. Напротив, источники достаточно определенно и однозначно, а главное, с серийной повторяемостью, свидетельствуют о том, что дисковидные псалии с шипами, в частности старюрьевого типа, применялись в конской

узде одновременно с использованием в гарнитуре одежды желобчатых «пряжек», да и других поздних разновидностей «пряжек» с периферийными дополнительными отверстиями. И наиболее надежно этот факт фиксируется именно в закрытых комплексах колесничих ДВАК (рис.4): Введенский курган п.2; Власовский могильник к.16 п.4; Филатовский курган пп.1, 4; Кондрашкинский курган п.1; Большая Плавица к.1 п.2 [Синюк, Килейников, 1976; Синюк, Козмирчук, 1995; Синюк, Погорелов, 1993; Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989; Мельников, 2003]. Думается, что подобное хронологическое сочетание типов псалиев и «пряжек» не было узколокальным явлением, скажем, характерным только для ДВАК. Об этом свидетельствует, например, и такой известный факт, как совместное нахождение в жилище Каменского поселения в Крыму цельношипастого дисковидного псалия и двух двудырчатых желобчатых «пряжек», находящих многочисленные аналогии в поздних бабинских памятниках, в том числе позднем горизонте эпонимного поселения Бабино III (рис.4, 6) [Рыбалова, 1974, с.22, рис. 3, 1, 6].

Кроме того, следует внести коррективы в собственно технологическую сторону типолого-хронологической схемы И.А. Пислария и его последователей, которая с самого начала заключала в себе несколько прямолинейные, а главное, противоречащие фактам положения. Речь идет о том, что кольцевые пряжки раннего типа, изготовленные в упомянутой выше технике поперечного членения трубчатой кости, в бабинской культуре практически неизвестны. В культуре Бабино известны лишь единичные находки (не более одной-двух) обычных колец из поперечного среза трубчатой кости, местоположение которых в погребениях намекает на функциональную сопряженность с пряжками [Санжаров, 2003, рис.2, 31-34]. Для подавляющего же большинства бабинских кольцевых «пряжек», как древнейших, так и сравнительно более поздних – с бортиком вокруг отверстия, использованы заготовки из фрагментов расколотых трубчатых костей [Усачук, 1998, с.128; Усачук, Литвиненко, 1997, с.46], то есть полученные в той технике, которая по И.А. Писларию должна появиться лишь на позднем этапе. Трасологическое изучение изделий из рога не позволяет определить характер первичной заготовки. Что же касается дисковидных псалиев, то для их производства вообще не применялась предполагаемая И.А. Писларием технология поперечного членения сырья. Обусловлено это было тем, что трубчатые кости при таком варианте их расщепления не дают заготовок большой площади, подходящих для изготовления крупных щитков дисковидных псалиев. А потому для этой цели выбралось сырье в виде пластин (а не ветвей) рога, фрагментов плоских костей (обычно тазовых) крупных копытных и фрагментов толстой компакты расколотых вдоль трубчатых костей крупных копытных⁴.

Столь же неубедительными выглядят «параллели», проводимые между дисковидными псалиями староюрьевского типа ДВАК и поясными пряжками с планкой и крючком культуры Бабино [Василенко, 2000, с.3-4]. Наиболее натянутым здесь представляется технологическое и морфологическое отождествле-

⁴ Благодарю за консультацию А.Н. Усачука.

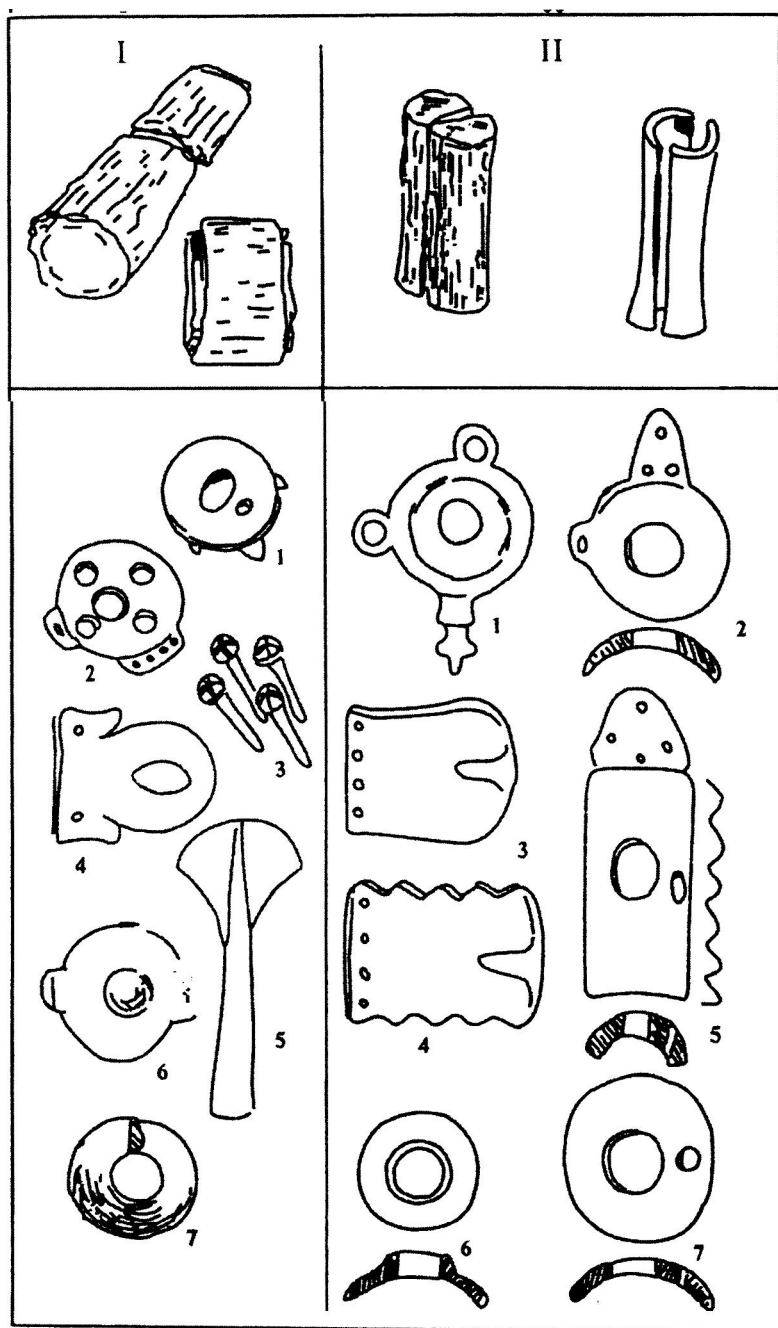

Рис. 3. Технология обработки рога и кости (по: Пыслару, 2000, рис.4; фрагмент).

I – техника поперечного членения: 1 – цельный круглый псалий с шипами; 2, 3 – составной псалий с вставными шипами; 4 – поясная пряжка; 5 – «жезл»; 6 – булава с выступами; 7 – кольцо-пряжка;

II – техника продольного членения: 1 – псалий дисковидный, с отростком; 2 – псалий дисковидный с планкой; 3, 4 – пряжки поясные; 5 – псалий желобчатый с зубчатым краем; 6 – кольцо-пряжка с бортиком; 7 – пряжка с двумя отверстиями

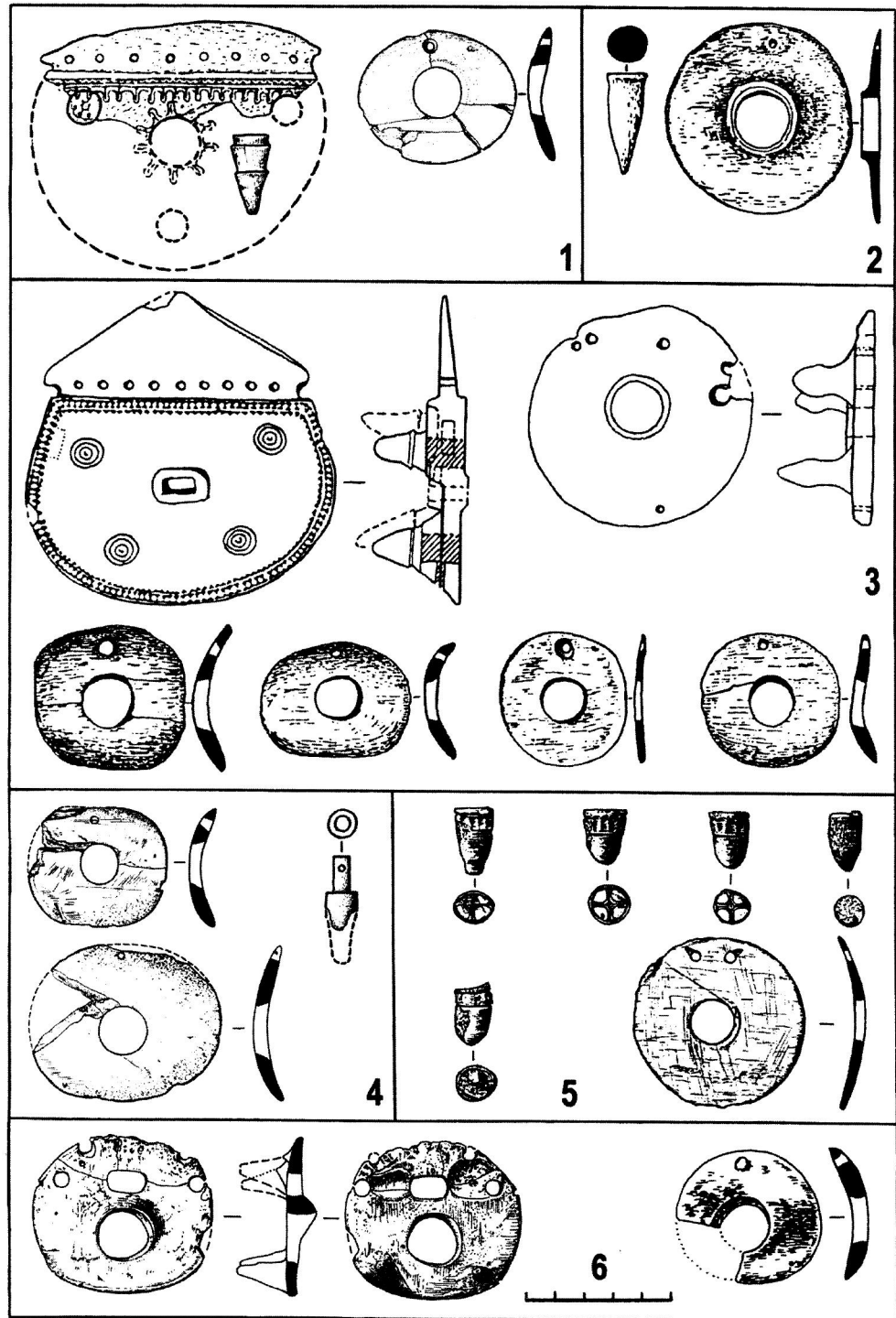

Рис.4. Комплексы, в которых сочетались дисковидные псалии с «пряжками» поздних типов: 1 – Кондрашкинский п.1; 2 – Власовский 16/4; 3 – Филатовский п.1; 4 – Введенский 1/1; 5 – Большая Плавца 1/2; 6 – Каменское поселение, ж.6

ние крючков-застежек на пряжках – с шипами на псалиях, особенно если учесть их совершенно различную функциональную нагрузку. Нельзя признать убедительным и сопоставление планок для крепления ремня в обоих классах изделий. Между прочим, некорректность такого сопоставления проявилась значительно раньше, когда Я.П. Гершкович для определения хронологии «фигурных» пряжек пытался одновременно привлечь разновременные типы псалиев – дисковидные и желобчатые, обращая внимание на такие сходные элементы этих изделий, как наличие планок для крепления ремня и элементы орнаментации [Гершкович, 1986, с.142, рис.9]. С расширением списка аналогий, охватывающих как предсрубный, так и срубный (раннюю и развитую фазы) периоды, некорректность подобных сопоставлений становится все более очевидной, что мы попытались продемонстрировать на схеме (рис.5).

Сказанное выше свидетельствует о том, что довод, касающийся морфологической, конструктивной и технологической сопряженности «пряжек» с псалиями, не имеет под собой никаких существенных оснований, во всяком случае, таких, которые бы непременно свидетельствовали о взаимообусловленности их появления.

«Пряжки» в контексте археологической культуры: была ли портупея?

В данном случае нас интересует контекст, который в той или иной мере позволяет судить о функциональной или семиотической нагрузке изделий, остающихся до настоящего времени неопределенными. Поэтому тот факт, что так называемые «пряжки», кроме массы находок в могильниках, изредка встречаются на поселениях, пока не может служить ключом к разгадке их назначения.

Более значимую информацию дают материалы некрополей. Поскольку именно захоронения ДВАК дали основание для вывода о существовании «портупеи с костяными пряжками», с них и начнем анализ. Представляется целесообразным проверить корректность прозвучавшего вывода путем выяснения степени связи пряжек с погребениями воинов-колесничих. Для этого была осуществлена корреляция взаимовстречаемости пряжек с атрибутами колесничества, к которым общепризнано относят только псалии, а дополнительно, с различной степенью вероятности, оружие в виде копья, колчанного набора, кинжала, а также стрела с бронзовыми наконечниками и костяные лопаточки (табл.1).

Статистика показывает, что из 21 погребального комплекса ДВАК, маркируемого псалиями, только 9 (43%) содержали «пряжки». Вместе с тем 8 других погребений с «пряжками» не имели в составе инвентаря деталей узды в виде псалиев. Корреляция «пряжек» с иными, предположительно колесничными, атрибутами выглядит следующим образом: из общего количества комплексов с «пряжками» (16) в 4-х случаях они сочетались со стрелами, в 12-и – с колчанными наборами (наконечниками стрел), в 3-х – с наконечниками копий, в 7-и – с кинжалами, в 2-х – с лопаточками. Результаты анализа свидетельствуют о том, что при наличии отдельных выраженных тенденций взаимовстречаемости «пряжек» с заведомо и предположительно колесничными атрибутами, взаимной обусловленности между ними нет.

Т а б л и ц а 1

№	Памятник	Псалии	Стрекало	Колчан	Копье	Кинжал	Лопаточка	Пряжка
1	Кондрашкинский п.1	+		+	+	+		+
2	Филатовский п.1	+		+			+	+
3	Филатовский п.3	+						
4	Филатовский п.4	+		+			+	+
5	Власовский 16/4	+		+		+		+
6	Пичаевский п.1	+					+	
7	Селезни I 1/2	+	+	+		+		
8	Селезни II п.1	+	+	+		+		
9	Селезни II п.2	+	+	+		+		
10	Селезни II п.3	+	+	+	+			+
11	Селезни II п.4	+	+	+		+		+
12	Б. Пластица 1/2	+			+			+
13	Введенка п.1	+		+				+
14	Красный I 1/2	+		+				+
14	Богоявленское 1/3	+						
15	Баранниково 1/2	+				+		
16	Бородаевка II 1/21	+	+	+		+		
17	Старицкое 1/2	+				+		
18	Сторожевка 1/1	+						
19	Красноселки	+			+			
20	Березовка 3/2	+	+		+			
21	Богоявленское 1/1							+
22	Введенка п.2			+		+		+
23	Новая Усмань 1/4			+		+		+
24	Орлиное болото 2/1			+				+
25	Павловск II п.1		+	+		+		+
26	Селезни I 2/4		+					+
27	Н.Курлак (Киевка)							+
28	Покровск 35/2					+		+

Между тем только доно-волжская абашевская культура и дает те немногие основания, позволяющие ставить вопрос о «пряжках» как «индикаторах колесничества». Другие же колесничные культуры такой связи не обнаруживают. В частности, соответствующие памятники Среднего Поволжья предоставляют нам единственную находку «пряжки», причем происходящую из погребения (Потаповский могильник, к.3 п.9), не несущего никакой колесничной атрибутики [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с.28, рис.13, 4; 36, 2; 44, 1-3]. Близкая ситуация наблюдается и в синташтинской культуре, где на многие десятки захоронений приходится лишь два достоверных случая находок костяных «пряжек»: Каменный Амбар-5 к.4 я.3 [Епимахов, 2002, с.46, рис.18, 17]; гора Березовая п.9 [Моргунова, Халяпин, 2003, с.227, рис.1, 4]. Еще одна предположительно «пряжка» найдена в погребении 30 большого грунтового могильника Синташты [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с.208, рис.114, 2]. Из погребения 5 комплекса

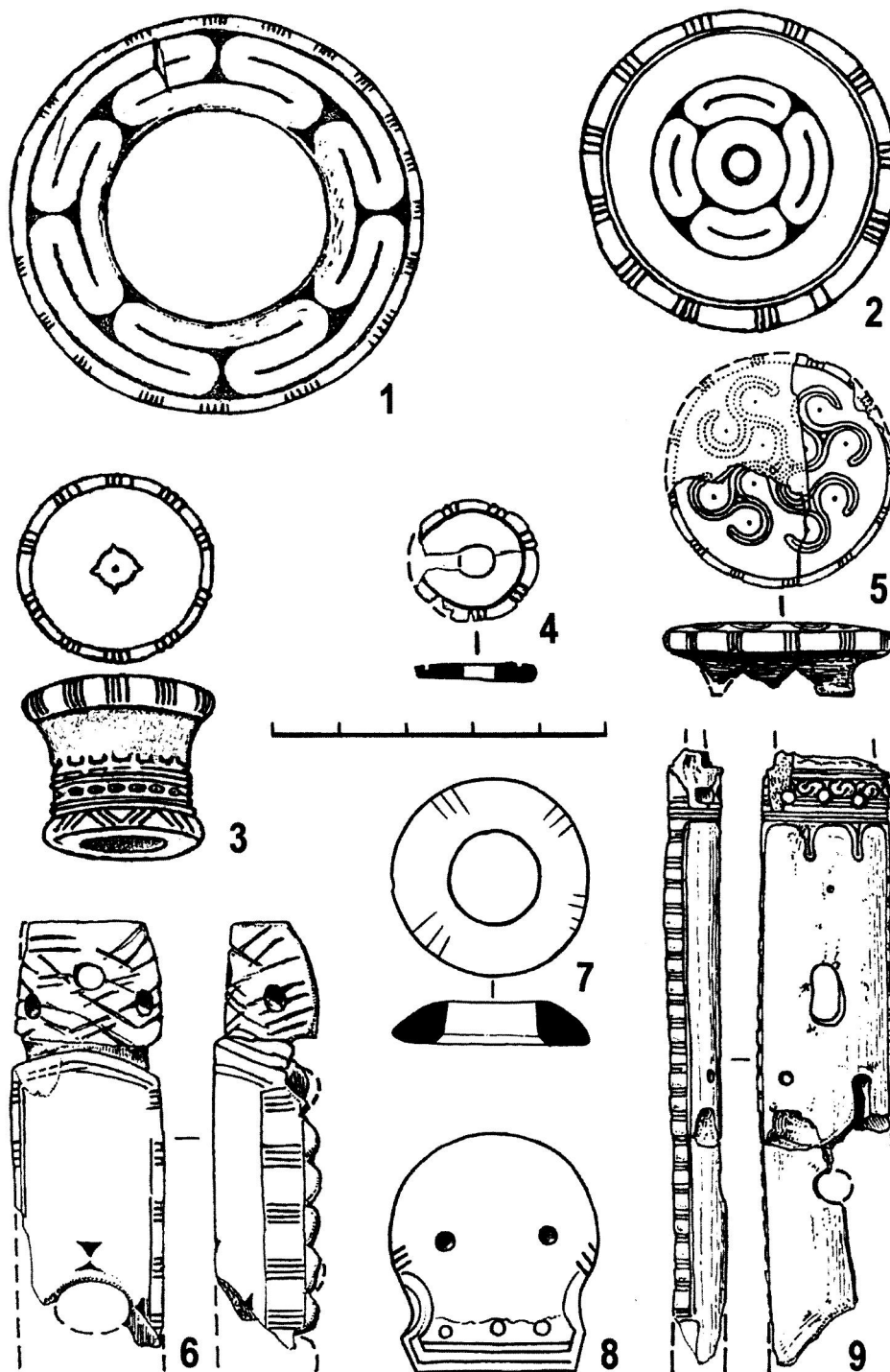

Рис. 5. Сходные элементы орнамента (сгруппированные нарезки) на изделиях из кости/рога, происходящих с памятников различных хронологических горизонтов:

- 1 – Ильичевка; 2 – Ватина; 3 – Новый Ризадей; 4 – Возрождение II 2/6;
 5, 9 – Капитаново I; 6 – Проказино; 7 – Спасское XI 1/5; 8 – Камышеваха 5/1

СИ Синташты и погребения 3 кургана 9 могильника Кривое Озеро⁵, относящегося уже к петровской культуре, происходят бронзовые колечки, контекст нахождения которых позволил авторам раскопок связать их с деталями пояса [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с.266, рис.146, 9; Виноградов, 1985, с.48, 58, рис.56, 2; 73, 2], а В.В. Отрощенко интерпретировать одну из них как металлическую «пряжку» [Отрощенко, 2001, с.75]. Показательно то, что в памятниках синташтинского и потаповского типов находки «пряжек», в отличие от ДВАК, совершенно теряют «колесничный контекст», встречаясь даже в захоронениях женщин и детей (Потаповский 3/9; Каменный Амбар-5 4/3). Эта же тенденция сохраняется и в сменивших Синташту петровской и алакульской культурах.

Наделение ДВАК приоритетом в изобретении «портупей воина-колесничего», как нам кажется, вступает в некоторое противоречие и с известной гипотезой о южно-уральском очаге культуругенеза, согласно которой «колесничество», как явление с характерным комплексом субкультуры знати и воинской элиты, возникло в среде синташтинской культуры Зауралья и потом распространилось в западном направлении в Приуралье (памятники Новокумакского типа), Поволжье (памятники Потаповского типа) и Подонье (ДВАК). Причем движение с востока на запад, по мнению ряда исследователей, сопровождалось постепенной деструкцией исходного комплекса колесничных признаков в погребальном обряде [Отрощенко, 1997, с.69-70; Гончарова, 1999, с.347, 348; Черленок, 2000, с.348; 2001, с.26-27]. В таком случае требует объяснения следующее обстоятельство: как в условиях постепенной утраты составляющих этого комплекса, в среде ДВАК, где синташтинский импульс проявляется в наиболее ослабленном и размытом виде, неожиданно появляется такой важный, можно сказать, знаковый элемент колесничной эпохи (если он таковым в действительности являлся), как воинская портупея с пряжкой? При этом в ранней ДВАК, ее доколесничном пласте, истоки «пряжек» также не обнаруживаются.

В последнее время становится все более очевидным, что появление моды на «пряжки» в Доно-Волжской лесостепи связано не с абашевскими популяциями, а с более ранним населением, оставившим памятники типа Жареного бугра 3/1. В Доно-Волжском регионе уже известна пусть и немногочисленная, но очень значимая серия комплексов, содержащих находки кольцевых «пряжек», типичных для раннего горизонта культуры Бабино (Мостище I, Власовский I 7/1, Жареный бугор 3/1, Большая Дмитриевка II 1/6, Верхний Балыклей 4/4). А относятся эти памятники к особому культурному образованию⁶, параллельному бабинской культуре [Литвиненко, 1998, с.49] и генетически связанному со среднедонской и родственной ей волго-донской катакомбными культурами. Фоном для

⁵ Пользуясь случаем, выражаю признательность автору раскопок Н.Б. Виноградову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами могильника Кривое Озеро, хранящимися в фондах археологической лаборатории Челябинского педуниверситета.

⁶ В предварительном плане выделенные памятники отнесены А.В. Кияшко и Р.А. Мимоходом к «криволукской культурной группе финала средней бронзы» (любезная информация авторов).

перечисленных комплексов с «пряжками» является несколько десятков аналогичных по обряду, но в большинстве своем безынвентарных захоронений, занимающих в курганной стратиграфии промежуточное положение между позднекатакомбными и покровскими срубными. Общий облик выделяемой культурной группы как будто свидетельствует о том, что «пряжки» для нее были нехарактерными, а скорее всего, позаимствованными из среды соседней бабинской культуры. И произошло это, судя по всему, во время, предшествовавшее распространению в Доно-Волжской лесостепи доно-волжской абашевской культуры.

Подобная объяснительная модель и хронологические выкладки не покажутся надуманными, если обратиться к первостепенному по своей значимости открытию в глубинных лесных районах Озерной Мещеры памятников шагарского типа. Особенно важны материалы эпонимного могильника, на котором исследованы погребения, содержавшие костяные пряжки-запонки и кольца, аналогичные раннебабинским изделиям [Каверзнева, 1992; Каверзнева, 2003]. Эти находки, наряду с данными радиоуглеродного датирования, свидетельствуют о синхронности памятников шагарского типа или какой-то их части, раннему этапу культуры Бабино, а значит, и посткатакомбному пласту, обозначенному комплексами типа Жареного бугра. Все вместе они представляют горизонт памятников, маркируемый пряжками-запонками и «пряжками-кольцами», который, судя по хронологии и своему ареалу, предшествовал и частично подстилал древности ДВАК, по крайней мере, ее колесничный пласт, являющийся не самым ранним (сравни карты на рис.6 и на рис.7) [Пряхин, 1995, с.102; Пряхин, Беседин, 1996, с.49-50].

Кроме того, памятники шагарского типа могут свидетельствовать о существовании связей между населением степного и лесного мира или общего исходного импульса, приведшего к появлению в столь отдаленных районах сходных элементов материальной культуры. Каковой бы ни была первопричина этого явления, однако объяснение его с позиций распространения колесничества и выделения в среде лесных популяций, проживавших среди заболоченных межозерных пространств Мещерского края [Гласко, Фоломеев, 1996, с.27-32; Каверзнева, Емельянов, 1996, с.54], социальной прослойки воинов-колесничих, перепоясывавшихся «портупеями с пряжкой», заранее представляется надуманным.

Аналогичные или подобные им вопросы, по сути, могут возникнуть и во многих других случаях, если попытаться причислить к числу народов, овладевших конной боевой колесницей, носителей тех культур, в которых известны так называемые «пряжки-кольца». В числе их окажется население, оставившее памятники гинчинской культуры в Горной Чечне и Дагестане; носители унегицкой культуры Словакии, Богемии и Моравии; население предальпийской и горноальпийской зоны Северной Италии (группа Полада), Австрии, Швейцарии, Восточной Франции, Южной Германии (Бавария и Средний Рейн), известное по памятникам групп Адлерберг, Унтервельблинг, Штраубинг и некоторые другие.

Рис. 6. Ареал ранних колец-медальонов в культурах Восточной Европы:

- – культура Бабино; ■ – шагарский тип памятников;
- – криволукская культурная группа; ▲ – ?;
- 1 – Шагарский п.10; 2 – Мостище I; 3 – Власовский I 7/1; 4 – Жареный бугор 3/1;
- 5 – Большая Дмитриевка II 1/6; 6 – Верхний Балыклей 4/4; 7 – Праздничный

Как свидетельствуют источники, не вписывается в «колесничную концепцию» и культура, дающая подавляющий массив «пряжек» Восточной Европы – бабинская. Не случайно поэтому В.В. Отрошенко заметил, что в плане доказательства существования связи между «пряжками» и колесничеством «наиболее сложной является ситуация в КМК» [Отрошенко, 1998, с.115]. И поскольку, как справедливо указывал исследователь, в бабинской культуре отсутствуют склепы колесничих и погребения с элементами конской упряжи среди сопровождающего инвентаря, ради подтверждения ее колесничного статуса он предложил комплекс признаков для выделения захоронений воинов-колесничих, специально адаптированный для бабинской культуры: деревянная рама – «кузов колесницы», шкура/чучело лошади – «упряжное животное», колчаный набор – «оружие колесничего», костяные и роговые кольца – «пряжки портупеи» [Отрошенко, 1998, с.115-116]. Показательно, что при всем желании подкрепить предложенную модель источниками В.В. Отрошенко удалось выделить лишь «незначительную (в пределах десяти комплексов) группу погребений КМК с оружием,

Рис. 7. Ареал находок «блях-медальонов» доно-волжской абашевской культуры:

- 1 – Лесопитомник IV; 2 – Филатовский пп.1, 4; 3 – Введенский пп.1, 2; 4 – Богоявленское 1/1; 5 – Кондрашевка (Нижняя Ведуга); 6 – Селезни I 2/4; 7 – Селезни II 1/3, 4; 8 – Большая Плавица 1/2; 9 – Новая Усмань 1/4; 10 – Орлиное Болото 2/1; 11 – Кондрашкинский п.1; 12 – Новый Курлак (Киевка); 13 – Красный I; 14 – Павловск II п.1; 15 – Копыл I; 16 – Власовский 16/4; 17 – Мазурка; 18 – Большие Верхи; 19 – Соколка 29/1; 20 – Аткарск к.27; 21 – Покровск 35/2; 22 – Сусканское

исследованных в Днепро-Донецком регионе», которые бы соответствовали предложенным критериям [Отрощенко, 1998, с.115]. И это не менее чем на тысячу бабинских погребений, известных в междуречье Днепра и Северского Донца. А примерно такой же массив памятников междуречья Днепра и Дуная вообще не дает подобного рода комплексов.

Приведенные В.В. Отрощенко соображения, безусловно, интересны и привлекательны по своей сути, однако не во всем убедительны. Во-первых, из немногочисленного инвентаря бабинских погребений к категории «оружия» можно с определенной долей условности отнести лишь стрелы и каменные топоры-молотки. По своему набору и характеристикам такое вооружение больше соответствует предшествующей катакомбной эпохе, являвшейся, по мнению самого В.В. Отрощенко, еще «доколесничной» [Отрощенко 1998, с.113, 115]. Имеющиеся же в литературе упоминания о такой специализированной категории оружия бабинской культуры, как бронзовые наконечники копий [Березанская, 1986, с.37; Волков, 2002, с.98], следует считать недоразумением. Судя по доступным на сегодняшний день источникам, более оправданной в этом отношении

выглядит иная оценка В.В. Отрощенко, где автор предполагает «хронический недостаток в военном быту бабинского населения дорогого металлического оружия (копий, топоров, кинжалов)» [Отрощенко, 1998, с.116].

Во-вторых, интерпретация деревянной рамы с уложенной рядом шкурой/чучелом животного как имитации запряженной лошадыю колесницы, не согласуется с теми количественно преобладающими случаями, когда «упряжное животное» представлено не лошадыю, а быком/коровой.

В-третьих, так называемые «колесничные атрибуты» в бабинском погребальном обряде жестко не коррелируется между собой. Иными словами, наличие одного (или нескольких) из них не предполагало обязательного присутствия другого (или остальных).

В-четвертых, при всем том, что «пряжки» в культуре Бабино в большинстве своем приурочены к захоронениям мужчин [Отрощенко, 1998, с.114; 2000, с.75], нельзя сказать, что предназначались (или полагались в могилу) они исключительно для них. Из всех погребальных комплексов с «кольцами-пряжками» раннего периода Бабино, а таковых нам известно 65⁷, к захоронениям взрослых мужчин на основании антропологических определений, обрядово-инвентарных и других признаков можно отнести 54 комплекса (83%). Еще 7 погребений (11%), совершенных по мужскому обряду, достаточно уверенно определяются как детско-подростковые. Но наиболее важно для нас то обстоятельство, что в 3-4 случаях (6%) ранние кольцевые пряжки сопровождали захоронения взрослых женщин: Александровск 1/3⁸, Мамай-Гора 161/7⁹, Репный 7/7¹⁰, Угле-

⁷ Общее количество известных нам погребений, из которых происходят «кольца-пряжки» раннего типа, достигает 71. Однако из них только 65 сохранились или документированы в такой степени, что их можно использовать в интересующем нас отношении.

⁸ Пол умершего из погребения 3 кургана 1 у г. Александровска антропологически определен как предположительно женский [Каталог, 1986]. Сомнительность такого определения усиливается в связи с тем, что данное погребение совершено по «мужскому» обряду: западная ориентация, левый бок. Тем не менее мы не склонны полностью выводить этот комплекс за рамки анализа, поскольку он является не единственным в своем роде. Дело в том, что в раннем горизонте могильников Бабино имеются другие захоронения женщин, совершенные по «мужскому» обряду. Кроме того, женские захоронения с «пряжками» известны также для среднего и позднего горизонтов Бабино: Большой Суходол к.2/3 п.3 [Писларий, 1979] – ♀ 40-55 лет, сопровождалась кольцевой «пряжкой» с бортиком вокруг отверстия; Петровка к.1 п.1 [Писларий и др., 1980] – ♀ 22-40 лет, сопровождалась еще более поздней «пряжкой» – круглой плоской с бортиком и малым дополнительным отверстием; Кременевка к.2 п.6 [Братченко и др., 1977] – ♀ 22-40 лет, сопровождалась двумя аналогичными предыдущей поздними «пряжками» (все антропологические определения выполнены Е.А. Шепель [Каталог, 1986]).

⁹ По определению Л.В. Литвиновой, сопровождавшийся «кольцом-пряжкой» взрослый костяк принадлежал «мужчине?» [Тошев, 1997, с.71, прим.5; с.82]. Однако такие обрядовые характеристики, как восточная ориентация и положение на правом боку [Отрощенко, 1992], однозначно свидетельствуют в пользу женской принадлежности погребения 7 кургана 161 на Мамай-Горе и неслучайности высказанного антропологом сомнения «?».

¹⁰ По определению Е.Ф. Батиевой, сопровождавшийся «кольцом-пряжкой» взрослый костяк принадлежал женщине 18-20 лет [Глебов, 2004, с.61, прим.4; с.93]. Обрядовые характеристики и инвентарь захоронения, состоявший из фаянсовых бус различной формы, в том числе двухрожковых и бородавчатых, подтверждают корректность антропологического определения.

горск 1/1 (рис.8) [Братченко, 1972; Тоцев, 1997, с.82-83, рис.7, 6-7; Глебов, 2004, с.77-108; Рогудеев, 2001а, с.405; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.83, рис.30, 1; 31, 4]. Эти данные также не позволяют рассматривать кольца из бабинских погребений в качестве портупейных пряжек воинов-колесничих. При этом возникает обоснованное сомнение даже в том, казалось бы, устоявшемся факте, что эти изделия являлись специальным знаком мужского пола, своеобразным половым индикатором, поскольку встречены они и в женских захоронениях. При этом нельзя упускать из внимания того, что многие достоверно мужские погребения такими кольцами вообще не сопровождалась. Скорее всего, кольцевидные предметы имели иное значение. Возможно, они маркировали какой-то особый статус или положение (скажем, «администратора»), которое в «бабинском» обществе обычно занимали мужчины, однако в определенных, достаточно редких случаях могли занимать и женщины. О высоком ранге этих немногих женщин дополнительно свидетельствуют и такие факты, как возведение над их могилами собственных курганных насыпей и наличие при них сопровождающих захоронений людей.

В этой связи хотелось бы коротко остановиться и на рассмотрении тех оснований, которые в той или иной степени позволили бы судить о способе (форме) использования интересующих нас костяных или роговых изделий, в том числе в связи с предположением о выполнении ими роли пряжек от портупей. Заранее подчеркнем, что не станем привлекать весь имеющийся в нашем распоряжении корпус источников и данных, касающихся контекста находок в погребениях различных культур, трасологического изучения изделий и прочих аспектов, обязательно необходимых для комплексного рассмотрения проблемы. Используем лишь тот материал, который, как представляется, позволит высветить наиболее важные и принципиальные моменты.

Вновь обратимся к исходным в «колесничной концепции», а значит, ключевым в системе ее аргументации, материалам ДВАК. Размещение так называемых «пряжек» в захоронениях ДВАК в целом отражает те тенденции, которые присущи другим культурам «с пряжками» Восточной Европы, в том числе бабинской. В большинстве случаев (11 из 13, зафиксированных в непо потревоженных захоронениях) изделия размещались в районе тазовых костей погребенного. Однако в большинстве этих ситуаций находки располагались не в области поясицы, как если бы они находились на поясном ремне. Напротив, как правило, они лежат ниже уровня пояса (живота), в том числе между ног умершего¹¹ (рис.1). Особенно наглядно это видно на примере отдельных комплексов с вытянутыми костяками: Власовский 16/4; Богоявленское 1/1, Филатовский п.1 (рис. 1, 8, 10, 20). Такое размещение изделий трудно объяснить, исходя из предположения об их использовании в качестве пряжки поясного ремня или портупей.

¹¹ Даже с учетом известного фактора некоторого смещения предметов, связанного с процессом разложения тела умершего, попадание их всегда в область ниже пояса представляется маловероятным.

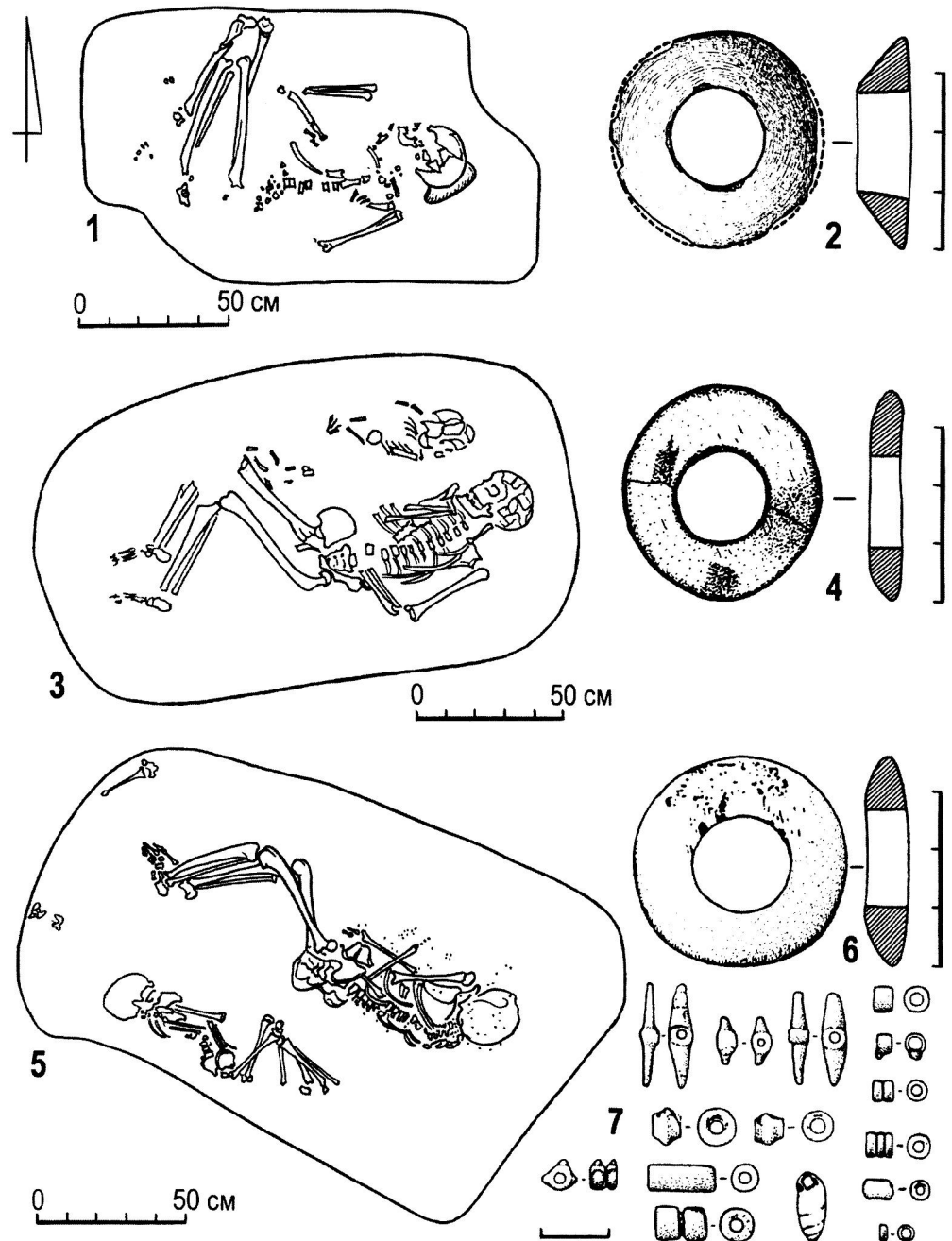

Рис. 8. Погребения женской обрядовой группы культуры Бабино с «кольцами-пряжками»: 1, 2 – Углегорск 1/1; 3, 4 – Мамай-Гора 161/7; 5-7 – Репный 7/7

Однако оно выглядит логичным, если допускать именно подвешивание костяных блях-медальонов на пояском ремне (или других частях одежды, в тех случаях, когда их находят в районе груди, рук или головы). В таком случае мы можем говорить о продолжении (возрождении) древней традиции ношения наде-

ленного особыми (сакрально или социально значимыми) функциями пояса, снабженного различными нашивными и/или подвесными элементами и украшениями [Корневский, 1986; Братченко, 1995, с.22-24; Ильюков, 2001]. Подтверждением этому являются и трасологические наблюдения, полученные при изучении круглых дисков-медальонов ДВАК. Характер следов на них свидетельствует о том, что для крепления использовались только малые отверстия у края диска, тогда как крупное центральное отверстие оставалось никак не задействованным, то есть не функциональным. Особенно наглядно реконструируется способ крепления дисков с двумя малыми отверстиями, при котором пропущенный через них шнур (тонкий ремешок) всегда сильно разводился в стороны, свидетельствуя о значительном отдалении крепившихся концов. Для того чтобы «приспособить» такой диск в качестве пряжки к ремню, необходимо предполагать большую ширину последнего, не менее 5 см [Усачук, 1998, с.35-36, рис.18; 19] и при этом признать нецелесообразность самого способа крепления (значительно проще и надежнее было бы крепить пряжку не расходящимися в стороны, а параллельными петлями, идущими от отверстий к ближнему краю диска)¹². С учетом всех наблюдений становится очевидным, что диски с двумя отверстиями у края просто подвешивались к поясному ремню на широко растянутых шнурах или же носились на опоясывавшем талию тонком ремешке, в виде медальона.

Своеобразным ключом в решении рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, выступают погребальные комплексы бабинской культуры, содержавшие в составе инвентаря достоверные ременные пряжки-запонки (с планкой и крючком) вместе с кольцами, традиционно интерпретируемыми как «кольцевые пряжки»: Беева могила п.3, Новоамвросиевка 3/2, Приволье 1/5 [Гершкович, 1986; Полидович, 1993, с.81, рис.52; Шаповалов, Колесник, 1972, с.69, рис.3-4; Кульбака, Качур, 2002, с.51, рис.19, 1-3]. Возникает вопрос: если кольцо является пряжкой, зачем на ремне две пряжки? То же недоумение возникает и в случаях, когда одного покойника в захоронении сопровождало несколько однотипных «пряжек» (известно до 10 погребений бабинской, ДВАК, раннесрубной культур, содержавших от 2 до 3 интересующих нас изделий).

В данной связи обратим внимание на тот исключительно важный факт, что трасологическое изучение многих разновидностей так называемых «пряжек» различных культур в большинстве случаев позволило реконструировать для них крепление только к одному краю, независимо от наличия или отсутствия малого дополнительного отверстия у края [Усачук, 1998а, с.130-134, рис.1-2]. Это свидетельствует об использовании большинства из них не в качестве соединителя двух концов ремня (т.е. пряжки), а в виде привески или нашивки, например, к

¹² Показательно, что и независимое трасологическое изучение крупных дисков ДВАК тоже поставило под сомнение их интерпретацию в качестве пряжек, хотя вывод этот не был доведен до логического завершения [Усачук, 1998, с.36].

поясу и другим частям одежды¹³. Именно это обстоятельство и вынудило нас в настоящей статье ставить в кавычки привычное, однако не корректное по сути, наименование изделий «пряжками», а в перспективе подумать о подыскании для них более подходящего термина, скажем, бляхи, медальоны или подвески.

Об истоках и времени зарождения традиции

Последний аспект, который хотелось бы затронуть в работе, касается истоков традиции изготовления и использования кольцевидных медальонов в культурах переходного от средней к поздней бронзе периода и позднебронзовой эпохи. Вопрос этот, надо признать, непростой и ответа на него мы пока не знаем. Однако вот на что хотелось бы обратить внимание.

Еще до недавнего времени многие авторы вполне справедливо писали о том, что интересующие нас изделия, ставшие своеобразным признаком отдельной эпохи, не были характерными как для предшествующего, так и последующего периодов [Братченко, 1995, с.23; Отрощенко, 1998, с.113-114]. С таким утверждением в целом можно согласиться [Литвиненко, 2001а, с.170]. Однако одновременно с этим возникает вопрос, каким временем определяется данная эпоха? Оказывается, она не ограничивается периодом существования культур, отделяющих катакомбную общность от срубной: бабинской, лолинской, ДВАК, синташтинской. Ведь археологическим материалом подтверждается, а большинством исследователей признается, факт сохранения традиции использования разнообразных медальонов из кости и раковины также в культурах позднебронзовой эпохи: срубной, сабашиновской, алакульской. Такая хронологическая протяженность традиции фиксируется и в памятниках Нижнего Подунавья, например культуре Монтеору, где находки «пряжек» зафиксированы в диапазоне фаз IC₃-IA включительно, то есть на протяжении пяти периодов [Савва, 1992, с.161-162]. Доживание моды на «пряжки» до середины позднего бронзового века предложено объяснять сохранением традиции эпохи боевых колесниц, причем традиции, деградировавшей и потерявшей свой первоначальный смысл [Отрощенко 1998, с.116]. Необходимость в таком необычном объяснении возникла в связи с тем, что ни срубные (покровские), ни алакульские, ни тем более позднебабинские погребения, в которых сосредоточен подавляющий массив «пряжек», не несут на себе никаких признаков колесничной эпохи. Вместе с тем, мы не можем сказать, что к этому времени бытование колесниц уже осталось в прошлом. И для этого не обязательно привлекать исторические свидетельства, связанные, скажем с Троянской войной. Достаточно вспомнить известные изображения колесниц на керамике развитой срубной культуры [Отрощенко, 1996]. Иными словами, тезис о «пряжках» как атрибутах воинов-колесничих в очерд-

¹³ Впрочем, мы не отрицаем, и даже вполне допускаем, что в каких-то случаях крепление интересующих нас изделий на поясе могло соответствовать пряжечному варианту, что не меняет сути вопроса.

ной раз наталкивается на непреодолимые противоречия с источниками. Так не лучше ли это противоречие убрать, доверившись объективным источникам?

Итак, если время бытования «пряжек» жестко не ограничивается только переходной от средней к поздней бронзе эпохой, заходя в позднебронзовый век, то почему оно не может захватывать и среднебронзовый период, например его конец? Оказывается, этому препятствует все та же теоретическая установка о «безусловной связи пряжек с культурами, где зафиксированы признаки наличия легких колесниц», которая не позволяет признать и вместе с тем правильно понять накапливающиеся в последнее время факты, свидетельствующие о наличии уже в позднекатакомбный период кольцевых изделий, подобных раннебабинским. Заметим, что речь идет не о так называемых финальнокатакомбных памятниках типа Власовки I 7/1 и Жареного бугра 3/1, о которых мы говорили выше и которые определяем, как и В.В. Отрощенко, в качестве посткатакомбных. Имеются в виду несколько более ранние по времени, классические комплексы позднекатакомбного периода, в составе погребального приданого которых находились изделия, во многом аналогичные кольцам раннего этапа бабинской культуры (рис.9; 10): Белояровка 5/11 [Санжаров, 2003, с.238-241, рис.1], Берданосовка 4/17 [Беспалый, 2002, с.156, рис.16, 1; 17, 2-3], Другой I 1/11 [Рогудеев, 2001, с.107, рис.1, 1-4], Мокрый Волчик I 3/2 [Прокофьев, 2002, с.112-115, рис.10; Рогудеев, 2001, с.107, рис.1, 5-8], Старобешево 2 2/2 [Зарайская, Стороженко, Швецов, 1976], Тельмана 1/6 [Василенко, 2001]. Особо подчеркнем, что большинство найденных в перечисленных комплексах изделий по своим морфологическим и метрическим параметрам отличаются как от известных колец-украшений на пальцы руки (последние, независимо от ширины, характеризуются большим диаметром отверстия и малой толщиной стенки), так и от колец в виде поперечных спилов трубчатой кости (имеют малые размеры, часто небрежно обработаны, ассиметричны, входят в состав целых наборов). Но, пожалуй, главным аргументом в пользу соотнесения позднекатакомбных изделий с раннебабинскими является то, что в ряде погребений (Мокрый Волчик I 3/2; Тельмана 1/6) они найдены в контексте, определенно намекающем на их связь с поясом (рис.10, 2, 6): у таза, причем, вновь-таки, не на уровне талии, а на 10-15 см ниже ее; при этом кисти рук умерших находились на значительном расстоянии от местоположения «пряжек», что дополнительно склоняет нас к интерпретации этих изделий в качестве деталей пояса, а не колец на пальцы, несмотря на большое морфологическое сходство с таковыми находок из тельмановского комплекса [сравни: Василенко, 2001а, с.312; Санжаров, 2003, с.241].

Кажется, впервые о «костяной пряжке в виде усеченного конуса с круглым отверстием посередине» из катакомбного погребения написали применительно к комплексу из 2-го Старобешевского могильника (к.2 п.2) [Зарайская, Стороженко, Швецов, 1976]. К сожалению, найти отчет или полную полевую документацию (сохранилась фрагментарно) об этих раскопках нам не удалось. Поэтому судить о хронологии данного погребения и характере самого изделия мы

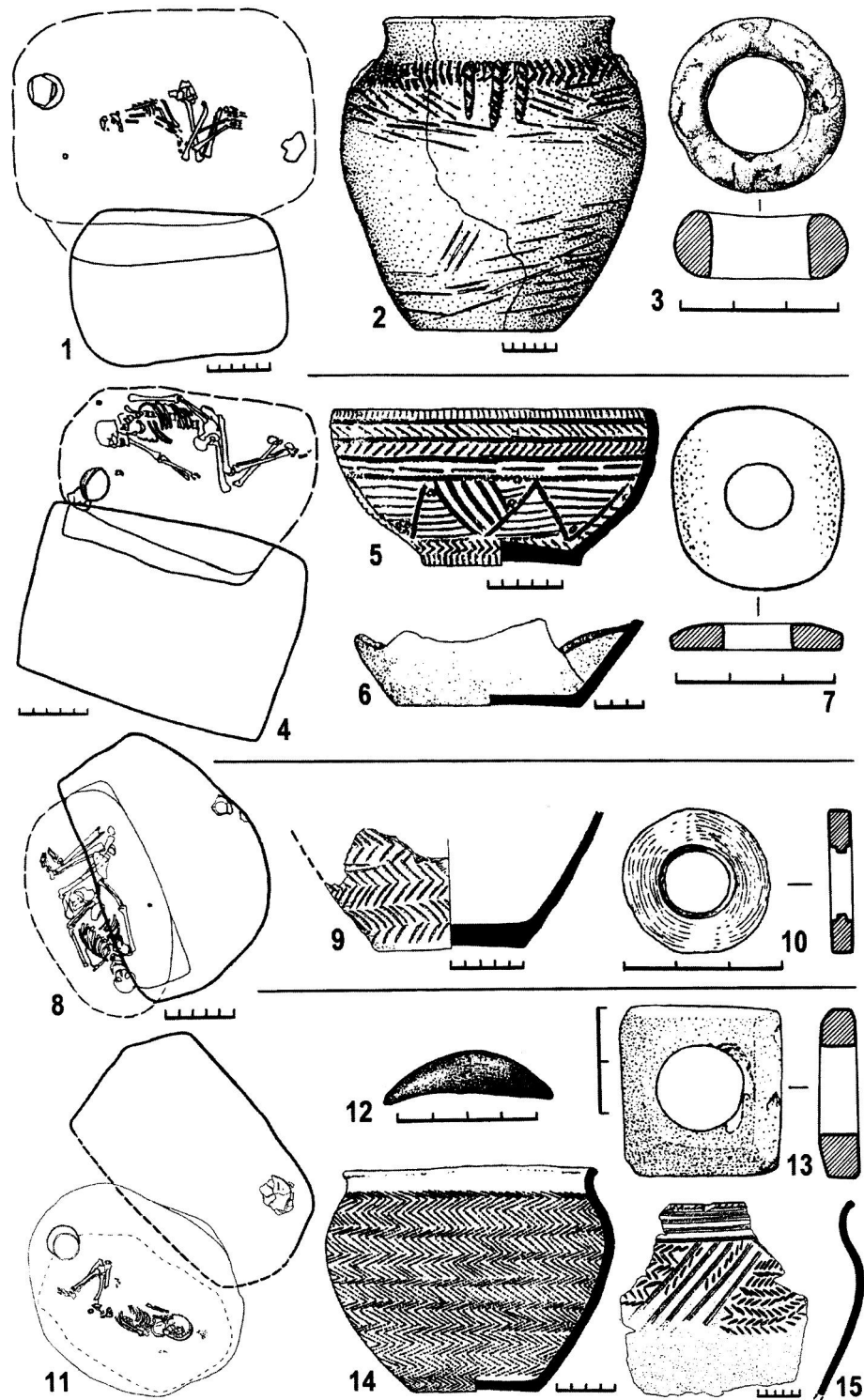

Рис. 9. Погребения катакомбной культуры с «кольцами-пряжками»: 1-3 – Белояровка 5/11; 4-7 – Другой I 1/11; 8-10 – Берданосовка 4/17; 11-15 – Мокрый Волчик I 3/2

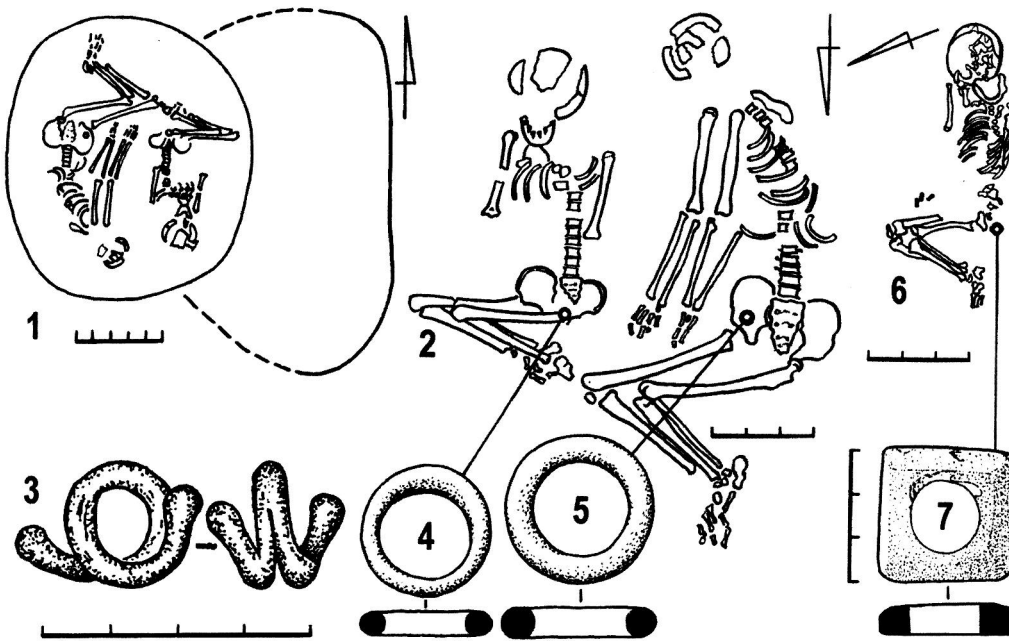

Рис. 10. Погребения катакомбной культуры с «кольцами-пряжками»:
1-5 – Тельмана 1/6; 6-7 – Мокрый Волчик I 3/2

не можем. Позднее о «роговом кольце-пряжке» из катакомбного погребения бахмутского типа (Белояровка 5/11) написал С.Н. Санжаров [Санжаров, 1991, с.13]. В монографии, изданной по материалам диссертации, автор раскопок высказал мнение о том, что подобные белояровскому кольцу изделия «могли служить прототипом пряжек, впоследствии получивших широкое распространение в погребальном обряде культуры многоваликовой керамики» [Санжаров, 2001, с.120]. Признал в белояровской находке «костяную пряжку ранней многоваликовой атрибуции» и А.М. Смирнов [Смирнов, 1996, с.97].

Специальную подборку из четырех катакомбных погребений с изделиями, подобными бабинским кольцевым пряжкам, составил А.И. Василенко [Василенко, Супрун, 1998, с.33; Василенко, 2000, с.4]. Правда, недостаточно критичное отношение к источникам и размытость критериев их подбора привели к попаданию в этот список изделий иного назначения, скорее всего колец на пальцы, что вызвало справедливое замечание коллег [Отрошенко, 2001, с.77; Санжаров, 2003, с.241]. Кроме того, в предложенной аргументации отстаиваемых положений прослеживается явная непоследовательность: с одной стороны, появление пряжек рассматривается в безусловном контексте с идеей колесничества, а с другой – отрицается знакомство с колесницей носителей катакомбных культур при наличии у них пряжек. Из предлагавшихся ранее объяснений этого обстоятельства [Василенко, Супрун, 1998, с.34; Василенко, 2000, с.5] в последней своей работе автор остановился на том, что присутствие пряжек в катакомбных погребениях «может рассматриваться как один из немногих примеров

следствия контакта обществ КМК с обществами финальнокатакомбного мира» [Василенко, 2001, с.312].

В свете возникшей проблемы большое стимулирующее значение имела публикация В.В. Рогудеевым новых позднекатакомбных комплексов, в составе инвентаря которых присутствовали костяные изделия, аналогичные бабинским «пряжкам». Весьма любопытна и оригинальна предложенная автором интерпретация находок как медальонов, носившихся на длинных шнурах и, возможно, выполнявших «социально-религиозную» функцию, являясь символами мандалы [Рогудеев, 2001; 2004, с.192-193].

Генезису круглых пряжек бабинской культуры посвятил отдельную работу С.Н. Санжаров [Санжаров, 2003]. Автор предпринял детальный анализ и критический разбор почти всех известных комплексов катакомбной культуры, из которых происходят изделия, напоминающие «кольцевые пряжки». В резюмированном виде выводы этой статьи можно свести к следующим противоречивым, по выражению самого С.Н. Санжарова, наблюдениям. Во-первых, устанавливается факт появления «круглых кольцевых пряжек» на позднем этапе катакомбной культуры, в частности в памятниках бахмутского культурного типа. Во-вторых, широко известные «узкие кольца с овально-округлым сечением из позднекатакомбных погребений могут являться своеобразным прототипом круглых кольцевых бабинских пряжек». Вместе с тем катакомбные племена, в отличие от бабинских, «не выработали особый массовый тип изделия – пряжку». В-третьих, единичная находка круглой пряжки в позднекатакомбном бахмутском погребении и их неоднократное обнаружение в бабинских комплексах, вопреки данным курганной стратиграфии, позволяет признать синхронность ряда позднекатакомбных памятников с бабинскими, возможно, и их однокультурность. В-четвертых, «отсутствие древнейших типов пряжек в других позднекатакомбных захоронениях, несмотря на наличие местной подосновы использования поясов и костяных колец, <...> может свидетельствовать о заимствовании пряжек позднекатакомбным населением в результате проникновения в их среду инокультурного населения позднеабашевского блока культур» [Санжаров, 2003, с.242-243].

Исходя из иных, нежели С.Н. Санжаров, представлений по вопросам относительной хронологии и таксономии культур средней – начала поздней бронзы Восточной Европы, в соответствии с которыми бахмутские катакомбные и бабинские памятники относятся к различным и хронологически разновременным (последовательным) культурным образованиям, а абашевские (речь идет о ДВАК), во всяком случае для Донетчины, маркируют еще более поздний горизонт [Литвиненко, 2000; 2001а; см. также наст. статью], мы можем в какой-то степени разделить только два первых пункта из предложенных выводов, в очередной раз подчеркивая недостаточность источников для каких-либо однозначных заключений [Литвиненко, 2001а, с.170]. В развитие этой темы обратим внимание на то обстоятельство, реальную значимость которого можно будет проверить только в ходе накопления новых данных, что все известные на сего-

дня катакомбные комплексы, содержавшие сопоставимые с бабинскими кольцами-медальонами изделия, достаточно компактно сосредоточены на территории, охватывающей бассейн нижнего течения Северского Донца, Низовья Дона и Северо-Восточное Приазовье (рис.11)¹⁴. Примечательно, что этот район географически полностью накладывается на область распространения ранних колец-медальонов Бабино (сравни карты на рис. 6 и рис.11). Кроме того, выделенные катакомбные комплексы представляют, если не единую группу, то близкие между собой памятники, объединяемые хронологическими, обрядовыми, а для отдельных из них и инвентарными признаками, в частности, керамикой с елочной орнаментацией (рис.9). Перечисленные факты вряд ли являются случайным совпадением и, на наш взгляд, дают дополнительные и весьма значимые свидетельства для разработки проблемы об истоках и слагающих бабинского культурогенеза.

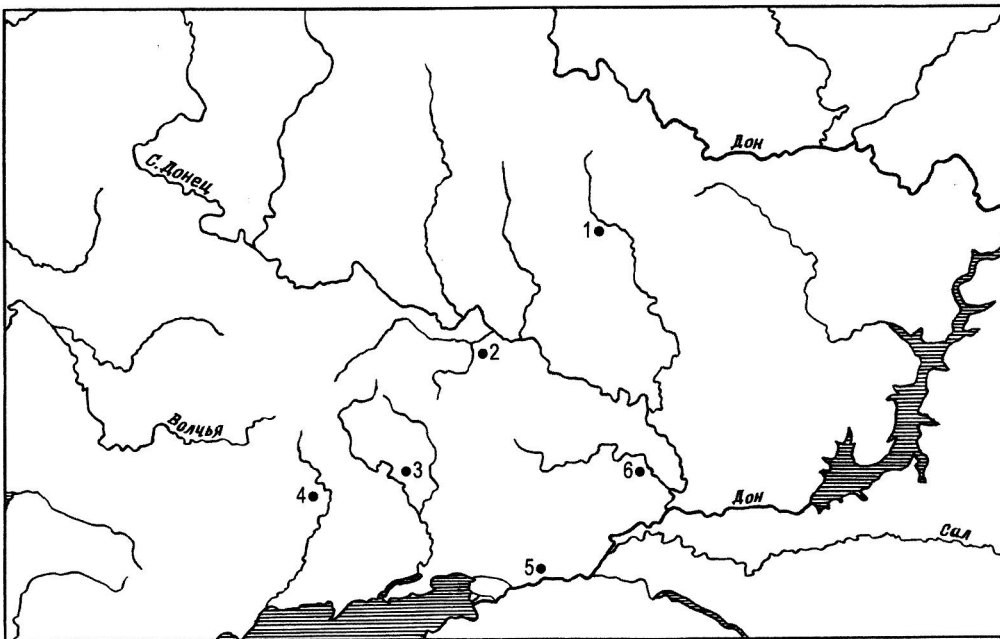

Рис. 11. Ареал погребений катакомбной культуры с «кольцами-пряжками»:

1 – Мокрый Волчик I 3/2; 2 – Тельмана 1/6; 3 – Белояровка 5/11; 4 – Старобешево 2 2/2;
5 – Берданосовка 4/17; 6 – Другой I 1/11

Выводы

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют жестко соотносить во времени, а значит, считать синхронными и взаимообусловленными такие масштабные для евразийской археологии явления, как возникно-

¹⁴ Это обстоятельство даже привело С.Е. Жеребилова к выводу, что в низовьях Северского Донца находился «один из районов формирования пряжек такого типа (кольцевидных – Р.Л.» [Жеребилов, 2001, с.400].

вание боевого колесничества и распространение «моды» на использование в гарнитуре одежды колец-медальонов из кости, рога и раковины. Между этими изделиями, с одной стороны, и щитковыми псалями конской узды, с другой, отсутствует безусловная морфологическая, конструктивная и технологическая связь, которая могла бы свидетельствовать о родственности, сопряженности и взаимосвязанности появления двух названных категорий изделий.

Указанные обстоятельства, в комплексе с другими данными, не подтверждают гипотезы о бытовании в среде скотоводческих культур эпохи бронзы особой воинской портупеи с пряжкой. Такое допущение, с некоторыми оговорками, может быть применено лишь к носителям доно-волжской абашевской культуры, но тогда придется признать, что в отдельно взятых культурах сходные изделия находились в различных семиотических контекстах. Доступные данные позволяют предположить, что рассматриваемые кольцеобразные находки, за которыми в литературе закрепилось название «пряжки», на самом деле таковыми не являлись и не использовались в качестве средства соединения двух концов ремня с предполагаемой при этом на них статической нагрузкой. Очевидно, значительная часть этих изделий пришивалась в виде бляхи или привешивалась в виде медальона к различным частям одежды, в том числе к поясу, выполняя при этом не столько функциональную, сколько знаковую нагрузку. Семантический смысл таких блях-медальонов пока остается неразгаданным, однако он не может быть сведен к знаку половозрастной (мужчины) или социально-кастовой (воины-колесничие) принадлежности.

Новые источники позволяют ставить вопрос о зарождении «моды» на использование «подвесок-медальонов» еще в позднекатакомбное время и предварительно связывать истоки этой традиции с носителями бахмутского культурного типа бассейна Северского Донца, Низовий Дона и Северо-Восточного Приазовья.

Список использованных источников

1. Беспалый Е.И. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.111-188.
2. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наук. думка, 1986. – С.5-43.
3. Братченко С.Н. Звіт про роботу Сіверсько-донецької експедиції 1972 р. біля м. Олександрівка на Луганщині // Научный архив Института археологии НАНУ. – № 1972/33.
4. Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Матер. конф.: В 2-х ч. – СПб., 1995. – Ч. II. – С.8-26.
5. Братченко С.Н., Кротова А.А., Швецов М.Л. и др. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г. // Научный архив Института археологии НАНУ. – № 1977/12.
6. Василенко А.И. Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополье // Древности Северского Донца. – Вып.2. – Луганск: Шлях, 1999. – С.62-65.

7. *Василенко А.И.* Про технологічну спорідненість кісткових поясных пряжок та найдавніших кісткових палив // Теоретичні проблеми вітчизняної історії: Матер. конф. – Луганськ: СНУ, 2000. – С.3-9.
8. *Василенко А.И.* Про роль кінних колісниць у війнах II тис. до н.е. // Вісник Східноукраїнського національного університету. – 2001. – № 4 (38). – С.62-79.
9. *Василенко А.И.* Об одном закрытом комплексе катакомбной культуры из поселка Тельмана в г. Луганске // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії: Матер. 1-й всеукраїнської наук. конф. – Луганськ: СНУ, 2001а. – С.310-312.
10. *Василенко А.И., Супрун А.В.* К вопросу о происхождении костяных поясных пряжек // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археол. конф. – Ростов-на-Дону, 1998. – С.32-35.
11. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: СамГУ, 1994. – 208 с.
12. *Виноградов Н.Б.* Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Челябинской обл. в 1984 г. – Челябинск, 1985. – 60 с.
13. *Волков В.А.* Боевые колесницы в археологических комплексах лесостепной и степной Евразии // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження: В 3-х т. – Т.3. – Одеса, 2002. – С.98-99.
14. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2-х ч. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч.1. – 408 с.
15. *Гершкович Я.П.* Фигурные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. – 1986. – № 2. – С.132-146.
16. *Гласко М.П., Фоломеев Б.А.* Черепки – археологический и природный феномен Долины Оки // Археологические памятники окского бассейна. – Рязань, 1996. – С.7-33.
17. *Глебов В.П.* Исследование курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т.1. – Ростов-на-Дону, 2004. – С.57-186.
18. *Гончарова Ю.В.* Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалями в степной и лесостепной зонах Евразии // Stratum plus. – № 2. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. – С.336-349.
19. *Дубовская О.Р.* Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение – школе: Тез. обл. семинара. – Донецк, 1985. – С.19-21.
20. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: ЮУрГУ, 2002. – 170 с.
21. *Жеребилов С.Е.* Культурно-хронологическая ситуация эпохи средней бронзы в Низовьях Северского Донца // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С.393-400.
22. *Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л.* Раскопки в Донецкой области // АО 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С.326.
23. *Ильюков Л.С.* Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребений бронзового века // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. – Вып.18. – Азов, 2001. – С.241-250.
24. *Каверзнева Е.Д.* Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. – 1992. – № 3. – С.147-159.
25. *Каверзнева Е.Д.* Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. – Ч.1. – М., 2003. – С.144-147.

26. *Каверзнева Е.Д., Емельянов А.В.* Предметы искусства и украшения с поселения Шагара II в Озерной Мещере // Археологические памятники окского бассейна. – Рязань, 1996. – С.54-70.
27. Каталог палеоантропологических коллекций Института археологии АН УССР // Научный архив ИА НАНУ. – 1986. – ПТ 118.
28. *Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И.* Курганные древности Центрального Донбасса. – Донецк: РИП «Лебедь», 1994. – 127 с.
29. *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Днепропетровск: ДГУ, 1981. – 78 с.
30. *Корневский С.Н.* О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. – 1986. – Вып.185. – С.35-42.
31. *Кульбака В., Качур В.* Давні індоевропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. – Маріуполь, 2002. – 94 с.
32. *Литвиненко Р.А.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и матер. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археолог. семинара. – Воронеж: ВГУ, 1996. – Вып.2. – С.46-50.
33. *Литвиненко Р.А.* Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археолог. конф. – Ростов-на-Дону, 1998. – С.48-50.
34. *Литвиненко Р.А.* К относительной хронологии культур конца средней – начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С.76-79.
35. *Литвиненко Р.А.* О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. – С.90-93.
36. *Литвиненко Р.А.* О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // Донецкий археологический сборник. – Вып.9. – Донецк, 2001а. – С.165-181.
37. *Литвиненко Р.А.* Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры Днедро-Донского региона // Донецкий археологический сборник. – Вып. 10. – Донецк, 2002. – С.135-159.
38. *Литвиненко Р.А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – С.76-85.
39. *Матвеев Ю.П.* Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Доно-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и матер. конф. – Воронеж: ВГУ. – Вып.1. – С.27-33.
40. *Мельников Е.Н.* Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавница // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Матер. междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С.239-247.
41. *Моргунова Н.Л., Халютин М.В.* Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Матер. междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С.225-229.
42. *Отрощенко В.В.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. – Харьков, 1992. – С.163-165.

43. *Отрощенко В.В.* Малюнки (знаки) колісниць в пам'ятках культур зрубної спільності // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. – Донецк, 1996. – Ч.1. – С.128-132.
44. *Отрощенко В.В.* Чотирикамерні склепи синташтинської доби // Археологія. – 1997. – № 3. – С.66-72.
45. *Отрощенко В.В.* Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно- исторической общности многоваликовой керамики. – Запорожье, 1998. – С.113-117.
46. *Отрощенко В.В.* К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып.11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж: ВГУ, 1998а. – С.52-59.
47. *Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – Київ, 2001. – 288 с.
48. *Петров Ю.Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев, 1983. – С.118-122.
49. *Писларий И.А.* Отчет об исследованиях Северско-Донецкой экспедиции. Курганы у с. Суходол, г. Молодогвардейск Краснодарского р-на и сс. Черемшино, Провалье, Бирюково, Дарьино-Ермаковка Свердловского р-на Ворошиловградской обл. // Научный архив Института археологии НАНУ. – № 1979/14.
50. *Писларий И.А., Дубовская О.Р., Орел Р.В., Смирнов А.М., Кульбака В.К., Кравченко.* Отчет об исследованиях Северскодонецкой экспедиции в 1980 г. // Научный архив Института археологии НАНУ. – № 1980/14.
51. *Писларий И.А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – 22 с.
52. *Пыслару И.* Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // *Stratum plus*. – № 2. – СПб., Кишинев, Одесса, 2000. – С.322-345.
53. *Полидович Ю.Б.* Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – № 2. – Донецк, 1993. – С.35-98.
54. *Прокофьев Р.В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. – Вып.2. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.109-133.
55. *Пряхин А.Д.* Археология и археологическое наследие. – Воронеж: Квадрат, 1995. – 208 с.
56. *Пряхин А.Д., Беседин В.И.* К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. – Вып 5. – Рязань, 1996. – С. 34-51.
57. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П.* Кондрашкинский курган. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 20 с.
58. *Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И.* Селezni-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники донского бассейна. – Вып.3. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 44 с.
59. *Рогудеев В.В.* Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. – С.107-109.
60. *Рогудеев В.В.* Могильник Репный I и проблема преемственности посткатакомбных и раннесрубных памятников степного Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001а. – С.404-413.

61. *Рогудеев В.В.* Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т.1. – Ростов-на-Дону, 2004. – С.187-203.
62. *Рыбалова В.Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – 1974. – Вып.16. – С.19-49.
63. *Савва Е.Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского между-речья. – Кишинев: Штиинца, 1992. – 226 с.
64. *Санжаров С.Н.* Катакомбная культура на территории Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1991. – 18 с.
65. *Санжаров С.Н.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск: ВНУ, 2001. – 171 с.
66. *Санжаров С.Н.* К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – № 1. – Луганск, 2003. – С.238-246.
67. *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 1996. – 351 с.
68. *Синюк А.Т., Килейников В.В.* Курган у с. Введенка на Дону // СА. – 1976. – №1. – С.159-169.
69. *Синюк А.Т., Козмирчук И.А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С.37-72.
70. *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.
71. *Синюк А.Т., Погорелов В.И.* Курган 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы Лесостепной Евразии. – Уфа: БГПИ, 1993. – С.6-31.
72. *Тощев Г.Н.* Памятники неолита и бронзы на Мамай-Горе (по материалам раскопок 1988-1995 гг.) // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Вып. VI. – Запорожье, 1997. – С.71-84.
73. *Усачук А.Н.* Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Археологические памятники донского бассейна. – Вып.3: Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С.31-39.
74. *Усачук А.Н.* Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. – Запорожье, 1998а. – С.125-135.
75. *Усачук А.Н., Литвиненко Р.А.* Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матер. 3-го українсько-російського польового семінару. – Київ; Вороніж; Перевальськ, 1997. – С.46-50.
76. *Черленок Е.А.* Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum plus. – № 2. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. – С.346-349.
77. *Черленок Е.А.* Колесничная запряжка в погребальном обряде (начало эпохи поздней бронзы евразийских степей) // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. – Вып. 1. – СПб., 2001. – С.22-29.
78. *Шаповалов Т.О., Колесник О.В.* Розкопки курганів у Донецькій області // АДУ в 1969 р. – Вип. IV. – Київ: Наук. думка, 1972. – С.66-71.
79. *Шарафутдинова Э.С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1987. – С.27-47.

*Литвиненко Р.О.***„ПРЯЖКИ” ТА КОЛІСНИЦТВО: ПРОБЛЕМИ СПІВВІДНОШЕННЯ**

Останнім часом у науковій літературі розповсюдилася точка зору, відповідно до якої в перехідний період від середньої до пізньої бронзи в середовищі скотарських культур Південно-Східної Європи і сусідніх регіонів набуло поширення використання легких кінних бойових колісниць, а разом з цим увійшов у побутування парадний обладунок чоловіків, що включав портупею з кістяною або роговою пряжками, яка визначала соціальний статус воїна-колісничого. Такі висновки ґрунтуються на кількох взятих за аксіому положеннях, серед яких базовими є синхронність появи, еволюції і зникнення, з одного боку, кінської вузди з щитковими паліями, а з іншого - так званих „пасових пряжок”; технологічна і морфологічна спорідненість цих виробів; безумовний зв'язок „пряжок” з культурами бойових колісниць. Стаття присвячена аналізу існуючої джерельної бази з метою перевірки означених положень. Отримані результати можливо звести до наступних висновків. Поява „пряжок”, найбільш ранніми серед яких є притаманні бабинській культурі кільцеві екземпляри, передуює в часі виникненню вузди із щитковими паліями, а значить, і колісництва як такого. Періодові побутованні дископодібних паліїв відповідають пізні різновиди „пряжок” з додатковими малими отворами. Не витримує перевірки і теза про технологічну, конструктивну та морфологічну спорідненість паліїв та „пряжок”, яка є вельми надуманою і не може свідчити про неодмінну взаємозумовленість появи обох категорій виробів. Аналіз поховального обряду свідчить про те, що найбільший зв'язок „пряжок” з колісничними комплексами демонструє лише доно-волзька абашевська культура за відсутності такого для інших „колісничних культур” (синташинської, потапівського типу пам'яток та ін.), а також бабинської, де зосереджена переважна більшість „пряжок” Східної Європи. Поховальний контекст і дані трасології також заперечують широко розповсюдженій думці про слугування розглядуваних нами виробів виключно в якості пасових пряжок-застібок і натякають на використання їх у вигляді підвісок, медальйонів, менш ймовірно нашивних блях, на пасовий ремінь чи інші частини одягу. Ця обставина примушує також поміркувати над тим, щоб підшукати, замість терміна „пряжка” більш придатну і коректну назву для означеної категорії виробів. Доступні сьогодні джерела дозволяють ставити питання про зародження „моди” на використання „підвісок-медальйонів” ще у пізньокатакомбний час і пов'язувати витоки цієї традиції з носіями бахмутського культурного типу басейну Сіверського Дінця, Пониззя Дону і Північно-Східного Надазів'я.

*Litvinenko R.O.***"BELT-BUCKLES" AND CHARIOTS: PROBLEMS OF RELATIONS**

Recently the point of view according to which in a transition period from middle to a late bronze age among cattlemen of Southeast Europe and the adjacent regions

easy horse-drawn fighting chariots were distributed has extended in the scientific literature. Together with chariots the armour for the men, including a sword belt with bone or horn belt-buckle has become current. This element of clothes was social is familiar the soldier. These conclusions are based on several axioms: "belt-buckle" and cheek-pieces arise, developed and disappear simultaneously; cheek-pieces and "belt-buckle" are characterized by technological and morphological similarity; «belt-buckle» has unconditional (indisputable) connection with cultures of fighting chariots. Present article is devoted to the analysis of sources and check of the listed conclusions. It was found out, that occurrence «ring-buckle» proceeds in time to occurrence of a bridle with cheek-pieces, so also to occurrence of chariots. Disc-shaped cheek-pieces existed synchronously with late "belt-buckle" with an additional small aperture. Has not sustained check the thesis about technological, constructive and morphological similarity cheek-pieces and "belt-buckle". Burials testify that the some connection of "belt-buckle" with a chariot complex is shown only Don-Volga Abashevo culture. Other cultures of chariots (Sintashta, Potapovo type), and also Babino culture, containing the most part of "belt-buckle" of the East Europe, do not find out such connection. The context of finds of these artifacts in burials contradicts their traditional interpretation as belt-buckle and hints at their use as pendants, medallions or sewed plates on a belt or other parts of clothes. The archeological data allow to bring an attention to the question on occurrence of "pendant-medallions» in late catacombs period and to connect this tradition with people of Bakhmut type sites of Severski Donets basin, the Lover Don and Northeast Priazovye.

ПЕРЕЛІК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

АО -	Археологические открытия
АСГЭ -	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГУ -	Воронежский государственный университет
ВНУ -	Восточноукраинский национальный университет
ГИМ -	Государственный Исторический музей
ДГУ -	Днепропетровский государственный университет
ЗГУ -	Запорожский государственный университет
ИА НАНУ -	Институт археологии Национальной Академии наук Украины
КСИА -	Краткие сообщения Института археологии им. Владимира Даля
МИА -	Материалы и исследования
НА -	Научный архив
НА ИА НАНУ -	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
РА -	Российская археология
РАМУС -	Республиканская ассоциация молодых ученых и сотрудников
СА -	Советская археология
САИ -	Свод археологических источников
СГУ -	Саратовский государственный университет
ТДНК -	Тезисы докладов научной конференции

НАШІ АВТОРИ

БРАТЧЕНКО Станіслав Никифорович - кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології Національної Академії наук України.

БРИТЮК Олексій Олексійович – науковий співробітник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля.

БРОВЕНДЕР Юрій Михайлович - кандидат історичних наук, доцент Донбаського гірничо-металургійного інституту.

ЛИСЕНКО Светлана Станіславівна – молодший науковий співробітник Інституту археології Національної Академії наук України.

ЛИТВИНЕНКО Роман Олександрович - кандидат історичних наук, доцент Донецького національного університету.

НЕЧИТАЙЛО Анега Леонідівна – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту археології Національної Академії наук України.

ПРИНЬ Олександр Віталійович – заступник начальника відділу науки Луганської обласної держадміністрації.

РАССАМАКІН Юрій Якович – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології Національної Академії наук України.

САНЖАРОВ Сергій Миколайлович - кандидат історичних наук, доцент, керівник Археологічного науково-дослідного Центру „Спадщина” Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля.

ЧЕРНИХ Євген Олександрович – директор Археологічного музею Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля.

МАТЕРІАЛИ ТА ДОСЛІДЖЕННЯ З АРХЕОЛОГІЇ СХІДНОЇ УКРАЇНИ

Збірник наукових праць

№ 2

(Українською та російською мовами)

Редактор	<i>З.І. Андронова</i>
Техн. редактор	<i>Т.М. Дроговоз</i>
Оригінал-макет	<i>Т.В. Погорєлова</i>

Підписано до друку 8.07.2004.
Формат 70x108¹/₁₆. Папір типогр. Гарнітура Times.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 28. Обл. вид. арк. 32.
Тираж 300 екз. Вид. № 862 . Замов. № .

Видавництво
Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля

Свідоцтво про реєстрацію: серія ДК №1620 від 18.12.2003

Адреса видавництва: 91034, м. Луганськ, кв. Молодіжний, 20а

Телефон: 8 (0642) 41-34-12. **Факс:** 8 (0642) 41-31-60

E-mail: uni@snu.edu.ua. **http://snu.edu.ua**

Надруковано в ПП Крюкової О.С.

91034, м. Луганськ, кв. Молодіжний, 20а